БОГАТЫРИ

Л. Рязанов
Н. Чесноков

КОМАНДИР ГВАРДЕЙСКОГО КОРПУСА «ИЛОВ»

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Имя дважды Героя Советского Союза генерал-лейтенанта авиации Василия Георгиевича Рязанова хорошо известно старшему поколению советских военных летчиков. До войны в Военно-воздушной академии имени Н. Е. Жуковского он учил летать на новых типах самолетов будущих асов. В годы Великой Отечественной прошел славный боевой путь, возглавлял 1-й гвардейский штурмовой авиакорпус, в котором выросло 103 Героя Советского Союза, в том числе единственный в стране летчик, награжденный орденом Славы всех трех степеней, — И. Г. Драченко. О командире соединения и многих его боевых товарищах рассказывается в настоящей повести.

Для широкого круга читателей.

- Л. Рязанов, Н. Чесноков
  - Лиха беда — начало
  - Жаркое лето
  - Талант полководца
  - Экзамен на зрелость
  - В чужом небе
  - Последний штурм
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Л. Рязанов, Н. Чесноков
Командир гвардейского корпуса «илов»

Лиха беда — начало

Кончалась весна 1942 года... Заброшенное поле, начинающееся сразу за кленовой рощей, поросло лебедой и крапивой. С высоты оно казалось пустынным. Пролетавшие немецкие летчики видели лишь многочисленные островки деревьев, разбросанные по полю. Они не догадывались, что тут идет бурная прифронтовая жизнь, а зеленые островки — не что иное, как тщательно замаскированные советские самолеты.

...Ночные бомбардировщики возвратились перед самым рассветом: бомбили позиции гитлеровцев по ту сторону Барвенковского выступа. Ранним утром 12 мая три наши армии перешли в наступление на Харьков. И сейчас солдаты батальона аэродромного обслуживания выводили из убежищ немногочисленные штурмовики. В небе уже барражировали «лагги».

Командующий маневренной авиационной группой Юго-Западного направления генерал-майор авиации Василий Георгиевич Рязанов еще ночью прибыл на передовую в расположение артдивизиона. Все эти дни его беспокоила тревожная мысль, не слишком ли доверился он армейским разведчикам, которые доложили о полной безопасности на флангах. Эта мысль исчезла, едва он прильнул к окулярам стереотрубы.

Рязанов видел, как пехота достигла первого рубежа обороны противника и завязала рукопашный бой, как дрогнули и неровной цепью побежали назад фашисты. Сердце гулко забилось: такую картину он не наблюдал, пожалуй, с прошлого года, когда его штурмовая авиадивизия участвовала в освобождении Ростова-на-Дону. «Ну что же, маршал Тимошенко прав: для немцев наше наступление явилось неожиданностью, — подумал Василий Георгиевич. — Армейские разведчики, видимо, поработали неплохо, и моим летчикам действительно делать было нечего».

Тем временем атакующие устремились ко второй линии траншей, но вдруг залегли под плотным артиллерийским и пулеметным огнем. Рязанов неотрывно смотрел в стереотрубу, он понимал, что залегшая пехота лишилась сейчас самого главного — фактора внезапности. «Черт возьми! Теперь срочно надо подавить огневые точки. И лучше всего авиацией», — мысленно решил он, но только досадливо махнул рукой.

Уже более получаса наблюдал генерал за действиями своих штурмовиков и был ими очень недоволен. Сначала «илы» четко выполнили поставленную задачу — обстреляли первую траншею,

но потом их действия стали хаотичными и неуверенными. Вместо удара по второй траншее они бомбили что-то далеко за передовой. «Растяпа ты глухонемой, а не командир!» — обозвал себя Рязанов. По складу своего характера этот сухопарый, высокого роста генерал не мог примириться с ролью пассивного наблюдателя. «Еще тактику в академии преподавал, — продолжал казниться Рязанов, — так неужели придумать ничего не можешь?»

Решение было простое и надежное: наводить штурмовики на цели по радио, вот прямо отсюда, с земли. Генерал не выдержал — отправился к себе в штаб, который располагался в сорока километрах от фронта. «Надо сейчас же осуществить эту идею, помочь наступающим частям».

...Из блиндажа, отрытого под старыми кленами, на Рязанова повеяло такой тишиной, что он недоверчиво огляделся. Солнечные лучи едва пробивались сквозь ажурные листья, в тени тучами роились комары. Рязанов, приподняв осунувшееся от бессонных ночей лицо, прислушался: тонкое комариное пение всегда его успокаивало. Мысль командующего маневренной авиационной группой заработала четко и ясно. Спустившись в блиндаж, он приказал вызвать начальника штаба, а сам, вытерев пот со лба, снял гимнастерку и повесил ее на спинку самодельного стула. Достал из кармана пачку папирос, закурил...

Вдруг снаружи несколько раз что-то глухо ухнуло, с потолка посыпалась земля. Вбежал адъютант Рязанова. Лицо его было бледным.

— Товарищ генерал, немецкие танки!

— Что за ерунда? Откуда здесь, за десятки километров от фронта, немецкие танки? — Василий Георгиевич удивленно поднял брови. Его серые глаза выражали крайнюю степень удивления.

Опять ухнуло, и что-то тяжелое упало на перекрытие блиндажа. Рязанов бросился к выходу, но дверь не открывалась. Погасив волнение, он прислушался.

— Деревом вход завалило. Сейчас мы его оттащим. — Он узнал тревожный голос начальника штаба.

— Дьявольщина! — Василий Георгиевич поспешил к амбразуре.

В бинокль он увидел танки, которые, маневрируя между деревьями, вползали с опушки в кленовую рощу. Пальцы невольно дрогнули, когда разглядел на башнях белые кресты. Опустив бинокль, резко вырвал из красной эбонитовой коробки трубку полевого телефона:

— Немедленно поднять все самолеты! Слышите, все!

Фашисты увидели, как в полутора километрах от рощи упали

маскировочные сети, и советские самолеты после непродолжительного разбега начали отрываться от земли, набирая высоту. Танки, словно в раздумье, резко замедлили ход, потом повернули к летному полю. Там цель была намного заманчивее, чем какая-то траншея с подозрительным бугорком.

Рязанов на минуту перевел дух: «Кажется, пронесло... Успели бы только взлететь до того, как захлопнется эта ловушка».

Тем временем начальник штаба и двое бойцов с трудом оттащили в сторону поваленный снарядом танковой пушки могучий клен, освободив дверь блиндажа. Рязанов с адъютантом смогли наконец покинуть помещение. Застегивая пуговицы на гимнастерке, Василий Георгиевич приказал:

— Штабу и всему хозяйству отходить на восток. Танки могут вернуться.

Мысль его лихорадочно работала, и он уже понял причину своей недавней тревоги. Армейские разведчики все-таки прошляпили танковые дивизии врага, незаметно скопившиеся на флангах у самого основания Барвенковского выступа. А сейчас круг замкнулся, и наши наступающие армии оказались внутри его. Вот почему так неожиданно фашистские танки появились здесь, в тылу, в сорока километрах от передовой.

«Это мне урок, — подумал Рязанов. — Ведь хотел проверить авиацией, да отговорили, убедили, что с земли виднее». Позднее, вспоминая об этой неудачной операции, Василий Георгиевич напишет: «С юга во фланг нам ударили танки Клейста. Они выскочили ко мне на аэродромы, нужно было под огнем танков выводить свои самолеты в другие места, а потом бить по танкам противника на тех аэродромах, с которых мы только что ушли».

Лишь к утру следующего дня небольшая группа авиаторов вышла к запасному командному пункту. Здесь генерала ждал срочный вызов в Москву...

Главнокомандующий ВВС генерал-полковник Александр Александрович Новиков, уставший после бессонной ночи, сидел в кабинете за массивным столом, знакомился с личным делом генерал-майора авиации Рязанова. Он обратил внимание на некоторые совпадения в биографии Рязанова и своей биографии. Например, оба они до армии учительствовали, оба были призваны на военную службу в 1920 году, с этого же года состоят в партии.

Отложив дерматиновую папку в сторону, Александр Александрович приказал офицеру-кадровику:

— Вызвать генерал-майора Рязанова завтра на девять ноль-ноль.

Новиков лично подбирал кадры для вновь создаваемых

авиационных армий резерва Ставки Верховного Главнокомандования.

На другой день адъютант доложил главкому о прибытии Рязанова. В кабинет вошел стройный генерал с орденом Красной Звезды на груди, взгляд его серых глаз был спокоен и внимателен. После крепкого рукопожатия Новиков спросил:

— Со штурмовиком Ильюшина хорошо знакомы?

— Да. Летал сам и обучал других.

— Мы решили назначить вас, товарищ Рязанов, командующим второй армией. Как вы на это смотрите?

— Благодарю за доверие, товарищ генерал-полковник. Готов выполнить любое задание Родины!

— Обратите особое внимание на радиосвязь. Это очень важно, — заметил Новиков. — Разработанной тактики боя крупных соединений штурмовой авиации пока нет, а она очень нужна. Именно вам и предстоит ее выработать... Командирами дивизий к вам назначены полковники Родякин, Каманин...

— Каманин Николай Петрович? Герой Советского Союза?

— Да, он самый. Челюскинец. Знакомы?

— В академии учил его летать на новых самолетах.

— Ну и отлично. Только предупреждаю, — лицо Новикова стало серьезным, — сформировать воздушную армию — дело нелегкое. Не хватает летчиков, а тем более самолетов...

Новиков дружески пожал Рязанову руку.

— К месту службы возвращаться вам не надо: Ставка приняла решение ликвидировать Юго-Западное направление... Итак, с завтрашнего дня вы командующий второй воздушной армией ВГК...

В этой должности Василий Георгиевич пробыл около двух месяцев, когда его снова вызвал к себе главком ВВС.

— Армии пока нет, и не ваша в том вина: не хватает техники. В достаточном количестве ее, видимо, долгонько не будет, — вздохнул Новиков. — Но война не ждет. Ставка решила переформировать армии в корпуса. С 10 сентября вы назначены командиром первого штурмового авиационного корпуса резерва Ставки.

В сентябре 1942 года формирование корпуса в Москве подходило к концу. Ждали прибытия последних полков... Один из них должен был прилететь на новеньких Ил-2. Рязанов знал, что полком командует уже побывавший в боях майор Володин.

735-й штурмовой авиаполк приземлился северо-западнее Москвы. Заглушив мотор «ила», Семен Володин увидел приближающихся к его машине генерала и полковника. Он доложил генералу о благополучном прибытии полка.

— Ну здравствуй, майор! Командир корпуса Рязанов, — представился генерал, крепко пожав руку плотно сбитому Володину. — А это твой командир дивизии полковник Родякин.

Когда они познакомились, Рязанов счел необходимым сразу же спросить:

— Кто из летчиков был в боях? Сам, я вижу, успел повоевать, — и он слегка коснулся пальцем ордена Красного Знамени на груди майора.

— Многие еще не нюхали пороха, товарищ генерал, — признался Володин.

— Значит, надо учиться. Учиться воевать. А как используете радио?

— Если честно сказать, то плохо.

— Этим надо овладеть немедленно! Готовность проверю лично.

Василий Георгиевич твердо решил осуществить задуманное на фронте — наводить штурмовики на цели по радио.

Когда формирование корпуса было закончено, Рязанова вызвал Верховный Главнокомандующий, который поставил перед его соединением задачу — выработать тактику массированного применения штурмовой авиации.

...Перелетев на Калининский фронт, корпус разместился неподалеку от Андреаполя. Наступила суровая зима, укрыв леса и болота глубоким снегом. Частые снегопады, низкая облачность, редкие ориентиры затрудняли поиск целей. Все это вынуждало летчиков-штурмовиков летать на боевые задания малыми группами, по два-четыре самолета.

В такой обстановке, считал Рязанов, успех всецело зависел от ведущих. Он приказал командирам дивизий Каманину и Родякину тщательно подобрать ведущих групп.

— И чтобы я лично знал каждого в лицо, — таково было требование генерала. Оно вполне оправдывалось: наводить штурмовики на цели по радио без знания характера и особенностей ведущих летчиков было бы невозможно.

В преддверии серьезных боевых операций Василий Георгиевич особенно заботился о сохранении самолетов. Как-то командир полка Володин получил задание: двумя экипажами Ил-2 произвести разведку в районе железнодорожной станции Великие Луки.

...Кончалось расчетное время, а штурмовики на аэродром не возвращались. Прошли сутки, начались вторые. Ни самолетов, ни людей. Майор ходил по утрамбованному полу землянки как заведенный. Замполит уже несколько раз предлагал ему лечь поспать. Но разве тут уснешь? К тому же из штаба корпуса

позвонил адъютант генерала и передал приказание: утром прибыть в штаб.

Когда Володин вошел в бревенчатый дом, где находился командир корпуса, тот сразу спросил:

— Что слышно об экипажах? Какую ставили задачу?

Майор сказал, что разрешил летчикам пройтись по цели «эрэсами».

— Та-ак. И не жалко людей?

— Так ведь война, товарищ генерал!

— Да разве здесь война, Володин! — брови генерала сурово сошлись на переносице. — Тебя бы под Сталинград, тогда почувствовал бы, что такое война!

— Настоящую войну я тоже видел, товарищ генерал, — обиделся Володин.

— Видел, а скомандовать грамотно не сумел... Нельзя было давать разведчикам приказ на обстрел станции. Ведь там же зениток полно!

Вскоре стали известны подробности злополучного вылета. Разведчики обнаружили в Великих Луках скопление железнодорожных составов с техникой. Цель была завидная, и они с 400 метров атаковали. Однако неожиданно напоролись на интенсивный зенитный огонь. Один из «илов» сразу же задымил над целью. Второй тоже был подбит, но все-таки сумел перетянуть линию фронта и совершить посадку на заваленной снегом лесной поляне.

В январе сорок третьего года 266-я штурмовая авиадивизия, в которую входил полк Володина, была вплотную придвинута к вражескому плацдарму в районе Демянска. Советское командование не без основания опасалось, что этот выступ Гитлер попытается использовать для летнего наступления на Москву. Поэтому перед войсками Северо-западного фронта была поставлена задача: окружить в районе Демянска и затем уничтожить 16-ю немецкую армию.

Операция началась в феврале. Штурмовой корпус Рязанова поддерживал наземные части. И хотя погода была ограниченно летной (временами стояла сплошная облачность, шел снег), летчики-штурмовики работали с постоянным напряжением сил. Малыми группами они терпеливо выискивали артиллерию, танки и автомашины врага, жгли их, создавая пробки на дорогах.

В боевых действиях участвовал весь полк Володина. Сам командир несколько раз вылетал на штурмовку.

Когда разведка донесла, что 16-я армия противника начала отходить на запад, Рязанов поставил перед штурмовиками задачу: не допустить выхода вражеских войск из окружения.

Наступила, наконец, пора осуществить давно задуманное. Генерал организовал свой КП на переднем крае, метрах в восьмистах от противника. Ночью офицеры штаба установили на опушке леса две радиостанции — одну для связи с самолетами в воздухе, другую для связи со своим штабом и аэродромами. Хорошо их замаскировали. Наблюдать генерал решил с дерева. На рассвете с микрофоном в руках он начал вызывать с аэродромов группы штурмовиков и направлять их туда, где требовалось в данный момент нанести удар.

...Приблизившись к линии фронта, Володин, летевший во главе четверки «илов», услышал в шлемофоне знакомый голос командира:

— Группа танков, тридцать градусов левее леса. Как понял? Прием.

— Вас понял. Цель вижу.

Команда ведомым: «Атака!» Володин направил ревущую бронированную машину вниз. На выходе из пикирования сбросил бомбы. И тотчас увидел над головным немецким танком столб дыма.

Ведомые порадовали своего командира полка такими же точными ударами: на дороге дымились еще два танка. Движение гитлеровской колонны застопорилось, и черные фигуры солдат бросились под защиту леса.

В шлемофоне ведущего продолжал звучать голос Рязанова. Еще и еще раз водил в атаку свою группу майор Володин. От точных ударов реактивных снарядов горела вся вражеская колонна. Уже немало гитлеровцев, побросав автомобили, пытались скрыться под деревьями. Но и там их настигали пулеметные очереди «илов».

Группа штурмовала танковую колонну до тех пор, пока не кончились боеприпасы.

Вслед за Володиным генерал вызвал на «поле» боя следующую группу «илов»...

Рязанова все больше беспокоили потери в корпусе, случавшиеся в основном из-за недостаточной подготовки молодых летчиков, слабого прикрытия штурмовиков истребителями, шаблона в тактике. Вопрос о необходимости разработки более гибкой тактики штурмовой авиации напрашивался в повестку дня. По настоянию Рязанова командующий 3-й воздушной армией генерал М. М. Громов провел в Андреаполе совещание командиров корпусов, дивизий и полков. Командарм сам сделал доклад, в котором подвел итоги боевой работы авиации на Калининском и Северо-Западном фронтах за последние три месяца. Он рассказал о том, что

авиация здорово помогла наземным войскам в районе Великих Лук и Белого, но это досталось ценой больших потерь. О причинах потерь командующий почти не говорил, лишь сослался на сложность метеорологических условий. В этот момент Василий Георгиевич переглянулся с Каманиным, командиром 292-й штурмовой дивизии, и увидел, что тому не терпится возразить командарму. Подмигнув ему, кивнул головой. Это означало: «Давай, я тебя поддержу».

Выступление Каманина было взволнованным:

— Нелетные дни одинаковы как для нас, так и для противника, поэтому не в них главная причина неудач авиации. Надо более умело использовать штурмовики...

— Я полностью согласен с полковником Каманиным, — поднявшись, сказал Рязанов. — Недооцениваем возможности «илов», а они у них богатые. Командиры наземных частей и соединений тоже не всегда разумно используют мощь штурмовиков. Иногда для того, чтобы уничтожить пяток фашистов, требуют целую эскадрилью... Я считаю, что давать целеуказания с земли должны только авиационные командиры. И нам надо научиться управлять авиацией над полем боя...

Авиаторы ушли с этого совещания неудовлетворенными.

— Зайдем-ка ко мне, Николай Петрович, — пригласил Рязанов Каманина. — Есть большое желание продолжить сегодняшний разговор.

Они сели в «эмку» и отправились по лесной дороге в штаб корпуса.

— Ну и погода, — заметил Василий Георгиевич, глядя, как разыгрывается вьюга. — Самое время нам с тобой, Николай Петрович, в баньке попариться. Люблю я это дело! Да если еще с березовым веничком...

С раскрасневшимися лицами Рязанов и Каманин сидели после бани за кружками с душистым чаем. А за стенами бревенчатой избы с подслеповатыми окнами бесновалась метель. Василий Георгиевич вновь вернулся к волновавшей его теме.

— Найти и использовать богатейшие возможности «илов» в бою — это архиважное дело, — говорил он. — Все мы считали, что Ил-2 имеет ограниченную возможность маневрирования. И защиту от истребителей придумали лишь одну — боевой порядок «круг». А вот у тебя в дивизии, Николай Петрович, лейтенант Шубин на учении показал другое — такие штуки выделывал, что не каждому истребителю под силу.

Каманин улыбнулся, вспомнив, как 800-й полк по приказу генерала провел занятие на тему: «Бой штурмовиков с истребителями». Тогда комэск Борис Шубин так закрутил свой

«ил», что оказался в хвосте у «яка». Он делал на штурмовике фигуры высшего пилотажа. И всякий раз заходил истребителю в хвост. После учений Рязанов даже спросил Шубина, не желает ли он перейти в истребители. Тот наотрез отказался.

— В полку майора Митрофанова кроме Шубина есть и другие отличные летчики, — сказал Каманин, — например Малов, Пошивальников, Степанов... Возможности машины изучили назубок.

— Всех этих ребят я знаю хорошо. Но мы, Николай Петрович, немножко отклонились от темы разговора, не так ли? Вот ты говорил на совещании про шаблон. Так позволь спросить, в чем он?

— Мы посылаем самолеты на штурмовку одним и тем же маршрутом, нередко в одно и то же время. Говорим, что фашисты действуют шаблонно, и сами же их копируем.

— Доля истины в этом есть, — задумчиво произнес Василий Георгиевич. — А что вы имеете в виду конкретно?

— Ну хотя бы полеты на Смоленск, Дорогобуж, Великие Луки...

— Разберемся по порядку, — Василий Георгиевич отпил из кружки несколько глотков. — Да, мы повторяли налеты на аэродром севернее Смоленска. Вы считаете это шаблоном? А я полагаю, что так и должно быть. В первый полет, 30 октября, ребята уничтожили не менее полутора десятков немецких самолетов, разбили взлетную полосу. А через день фашисты аэродром восстановили. Значит, надо было бомбить его до тех пор, пока не вывели из строя надолго. То же самое с узловой станцией Дорогобуж. По обоим вражеским объектам следовало наносить систематические удары.

— Но надо же разнообразить время полетов, менять маршрут и направление выхода к цели, варьировать численностью самолетов. Словом, путать, обманывать врага, — доказывал Каманин.

— Вот в этом, — Рязанов улыбнулся, — я с тобой полностью согласен, Николай Петрович. Тут шаблона быть не должно. К выполнению каждой боевой задачи надо подходить творчески, чего, к сожалению, мы еще не умеем.

Василий Георгиевич встал, прошелся в унтах по некрашеному полу.

— Сколько человек погибло за эти месяцы? — спросил он Каманина.

— Многовато... И какие ребята! Взять Жору Красоту. Неутомимый летчик, талантливый ведущий, аккордеонист, весельчак... Но вот уже десять дней прошло, как его нет. Подбили

прямо над целью. Загорелся, пытался сбить пламя. Не удалось. Ведомый видел, как «ил» лейтенанта падал в заснеженное болото...

Беседу прервал адъютант Рязанова лейтенант Дресвянников:

— Товарищ генерал, вас срочно вызывают в штаб.

...Василий Георгиевич вернулся быстро, радостно возбужденный.

— Вот ведь как бывает, Николай Петрович, — сказал он, — ты сейчас Красоту хоронил, так он живой. Только что сообщили, что лейтенант нашелся.

— Вот это известие! — воскликнул командир дивизии, вскочив с табурета. — Большое спасибо за хорошую новость.

— Как видишь, я угощаю не только баней и чаем, но и хорошими вестями, — подмигнул Василий Георгиевич.

...А с летчиком Георгием Красотой случилось вот что. Над целью в «ил» попал зенитный снаряд, и пилот покинул неуправляемый самолет. Приземлившись с парашютом, увидел, что на одной ноге нет унта. Кое-как натянул унтенок, мягкий меховой чулок, отполз в сторону и спрятался за густую ель.

Лес стоял сумрачный, безмолвный. Лишь изредка с еловых лап, шурша, сползал снег. Летчик вздрагивал, сжимая рукоятку пистолета, прислушивался. Потом пополз к полю. Наткнулся на колючую проволоку. Отполз на несколько метров и бросил в нее ледышкой. Ледышка звякнула о проволоку, и тут же впереди застрочил немецкий пулемет.

Ночь застала летчика в лесной глухомани. Кое-как он наломал сучьев и разжег костер, благо в кармане оказались спички. Очень хотелось пить. Он хватал горстями снег, подносил руки к огню, потом из ладоней с жадностью пил талую воду.

Десять суток лейтенант скрывался в лесах, питаясь мороженой клюквой, которую выковыривал на кочках из-под снега, сосал ледышки, утоляя жажду. Наконец, вышел к деревне, занятой немцами. Хозяйка крайнего дома спрятала летчика на чердаке. Там его, раненого, обмороженного, изголодавшегося, и нашли наши пехотинцы, которые выбили фашистов из деревни.

После лечения Георгий Красота снова повел группу «илов» на штурмовку. А вечерами в землянке задорно и весело звучал его аккордеон...

За боевые действия против демянской группировки противника, активную помощь наступающим частям, освободившим город Великие Луки, многие летчики-штурмовики Рязанова были удостоены высоких правительственных наград. Грудь генерала украсил орден Красного Знамени. А 17 марта 1943 года Василию Георгиевичу присвоили очередное воинское

звание — генерал-лейтенант авиации.

В марте 1943 года Ставка приняла решение перебросить корпус Рязанова на юг, в распоряжение командования Воронежского фронта.

Жаркое лето

Июнь сорок третьего выдался знойным... В такие дни хотелось сбросить с себя гимнастерку, ремень с тяжелым пистолетом, надоевшие сапоги и не торопясь идти по полевой дороге, загребая босыми ногами мягкую пыль, чувствуя, как слабый ветерок холодит тело под расстегнутым воротом рубахи. А потом где-нибудь на берегу тихого пруда раздеться и броситься в прогретую солнцем воду, поплыть саженками, во всю силу, чтоб за тобой — пенистый след, как от торпеды. И выйти на берег, роняя теплые капли воды, ощущая приятную усталость каждой мышцей тренированного тела. Хорошо!..

Василий Георгиевич с трудом оторвался от мечтаний, быстро, привычным движением застегнул крючки на воротничке кителя.

«Нет, а новая форма — ничего, — подумал он, покосившись на полевые генеральские погоны и мельком взглянув в тусклое зеркало. — Во всяком случае, лучше, чем полковничьи «шпалы». Генерал вдруг по-мальчишески озорно подмигнул своему отражению.

— Разрешите, товарищ генерал... — в открытом дверном проеме показалась знакомая фигура начальника отдела кадров корпуса. — Вы меня вызывали?

— Да, вызывал. Садитесь, подполковник. Хочу посоветоваться. Как у нас на сегодня с летными кадрами? Особенно меня интересуют командиры эскадрилий, летчики, способные водить на штурмовку группы самолетов.

— Я уже докладывал вам, что летным составом полки укомплектованы полностью, вакантных должностей комэсков нет.

— Да я не об этом. Мы люди военные, поэтому буду говорить прямо. — Василий Георгиевич прошелся по земляному полу хаты. — Бои, большие бои нам предстоят. А где бои, там потери... Как ни горько говорить об этом, но они, увы, неизбежны. И в первую очередь среди ведущих. Меня интересует сейчас одно: есть ли у нас люди, способные заменить командиров эскадрилий в случае их гибели?

— Наверное, есть, товарищ генерал...

— Это неопределенно. Я хочу знать, можете ли вы мне сейчас положить на стол список летчиков, которые в случае необходимости смогли бы заменить комэсков? Причем с краткой характеристикой, прочитав которую, я понял бы, почему рекомендуют на должность командира эскадрильи Сидорова, а не Иванова или Петрова.

— Такой список мы представить не можем.

— Плохо, товарищ подполковник. Пора бы знать своих людей, а летный состав особенно. Кадры нужно растить самим. Все. Можете идти.

Василий Георгиевич подошел к окну. Солнце садилось за горизонт, и все вокруг было освещено багровым светом. Вечерний ветерок принес прохладу. Где-то на окраине села пели под гитару песню о рабочем пареньке, которому очень хотелось стать летчиком. Генерал прислушался. Незатейливый мотив, простые слова. Но песня все же трогала сердце. Она была своей, авиаторской.

Только когда затих последний аккорд, генерал отошел от окна. Морщась, помассировал правый бок: «Не поймешь, то ли печень, то ли желудок. Главное — не поддаваться ни врагам, ни болезни. Прожито всего лишь сорок два...»

Генерал приоткрыл дверь:

— Завтра машину к четырем. Как обычно. Поедем в седьмую гвардейскую. А сейчас вызовите ко мне начальника тыла.

И вновь подошел к окну. Солнце совсем спряталось за горизонтом, но было еще светло. Вдалеке на малой высоте пролетел самолет с характерной, выступающей над фюзеляжем кабиной. «Из разведки, наверное. Задержался... — подумал Рязанов. — Интересно, кто его горбатым окрестил? Ведь точно: кабина на нем, как горб, торчит».

Еще на Калининском фронте «илы» были одноместными. После нескольких боевых вылетов выявился главный недостаток: слабая защита за спиной, да и обзор сзади у летчиков плох. При встрече с истребителями противника даже самые опытные пилоты привозили по два-три десятка пробоин, и все в хвосте.

А вскоре приехал главный конструктор Сергей Владимирович Ильюшин.

— Ну как вам наш самолет? — интересуется.

— Что ж, машина неплохая. Поедемте в полк, у тех, кто на ней летает, спросим.

Приехали в полк майора Митрофанова уже к вечеру. А там, как нарочно, ребята в этот день две машины потеряли. И обе фашист сбил одним и тем же маневром: зайдет в хвост, поймает в прицел и... Досталось тогда конструктору. За машину, говорили, спасибо, но кабину нужно двухместной делать, чтобы еще стрелка посадить с крупнокалиберным пулеметом или, еще лучше, со скорострельной пушкой. Тогда никакой истребитель не страшен.

Потом, когда вернулись из полка, конструктор спросил Рязанова, что он сам думает об этом. Генерал ответил ему без обиняков: если будет стрелок, то потери штурмовиков сократятся на двадцать-тридцать процентов. Пожалуй, ему и другие об этом

говорили. Не случайно вскоре в корпус стали поступать штурмовики только с двухместными кабинами. Тогда и кончилась легкая жизнь вражеских истребителей. Не один из них получил крепкую порцию свинца из крупнокалиберного, когда пытался по привычке зайти «илу» в хвост... Заглянул адъютант:

— Товарищ генерал, к вам начальник тыла.

— Пригласите. — И Рязанов пошел навстречу входившему в хату подполковнику Белодеду. — Добрый вечер, тыловой начальник. Как у тебя дела?

— Сегодня утром, товарищ генерал, — начал докладывать подполковник, — я представил вам сводку. Боеприпасами, горючим, продовольствием, обмундированием корпус обеспечен полностью. Все заявки ПАРМов [1] выполнены. Подвозили, как приказано, в основном ночами, чтобы не демаскировать. Расход боеприпасов, горючего у корпуса пока небольшой, сами понимаете — затишье на фронте.

— Затишье... А если оно закончится, что тогда будем делать?

— Есть у нас, товарищ генерал, в одном из батальонов аэродромного обслуживания бывший летчик. Когда-то служил в этих краях. Все аэродромы помнит. Вот мы и отметили места, куда можно будет перебазировать корпус. Разрешите... — Белодед вынул из сумки карту, аккуратно развернул ее. — Если пойдем в наступление, перебазироваться корпус может сюда, сюда и сюда. — Тонко отточенным карандашом начальник тыла показал условные значки на карте. — А здесь у нас отмечены площадки, которые можно летом использовать как взлетно-посадочные полосы. Причем на них могут располагаться разные войсковые единицы, от эскадрильи до полка или дивизии. Здесь вот все отмечено...

— Ну что же, неплохо... Неплохо, когда начальник тыла авиационного корпуса такой предусмотрительный человек. Значит, так. Как только начнется наступление и наземные войска двинутся вперед, вы, тыловики, вместе со всем хозяйством пойдете за ними. Нужно, чтобы при перебазировании у летного состава не было ни одной задержки. Перелетая на новую точку, летчики и воздушные стрелки должны знать, что их уже ждут и землянки, и столовая, и горючее, и боеприпасы. А самое главное, чтобы их ждали ваши люди, товарищ начальник тыла. Летунам достается там, в воздухе. Кто и как будет продвигаться вперед, предусмотрели?

— Пока нет.

— Вот это плохо. Нужно срочно организовать передовые передвижные комендатуры. Чтобы у них на автомашинах имелось все необходимое, от боеприпасов и горючего до баллонов со

сжатым воздухом и аккумуляторно-зарядных станций. Во главе каждой такой комендатуры поставьте опытного командира, подберите нужных людей. Пока затишье на фронте, пусть тренируются. Они обязаны не позднее часа после получения команды быть готовыми к передислокации на новую точку. Понятно?

— Так точно, товарищ генерал.

— Ну вот и хорошо, — улыбнулся Василий Георгиевич. — Или, может, еще вопросы есть?

— Есть один... Когда затишье-то кончится?

Рязанов хитро посмотрел на начальника тыла и, наклонившись, вполголоса произнес:

— Хочешь, я тебе, Кузьма Александрович, военную тайну открою? Ты спрашиваешь, когда в бой пойдем? Так я тебе честно отвечу: не знаю. Ты что думаешь, если я генерал, так со мной Генеральный штаб советуется? Ты лучше сам скажи, когда, по-твоему?

— По-моему, скоро.

— Вот и по-моему — тоже...

Снилось что-то приятное... Автомашина бежит по Подмосковью, в открытые окна задувает ветерок. Пахнет свежескошенным сеном и медом. Внезапно машина поворачивает на узкую лесную просеку и, не снижая скорости, мчится по ухабам. Начинает бросать из стороны в сторону. Он ударяется плечом о дверцу кабины и...

Тут Василий Георгиевич проснулся. Быстро вскочил, натянул сапоги. Взглянул на часы — первый час. Взял телефонную трубку и сразу узнал характерный басок командующего 2-й воздушной армией Степана Акимовича Красовского:

— Ну, начинаем! Поднимай своих орлов сразу же на рассвете, чтоб ни один фашист взлететь не сумел. Понял?

— Понял, Степан Акимович.

Рязанов положил трубку. Попросил адъютанта срочно вызвать к нему начальника штаба и замполита.

Скрипнула дверь, вошли новый начальник штаба генерал-майор Парвов, заменивший ушедшего на повышение полковника Брайко, и заместитель по политчасти полковник Беляков. Рязанов взглянул на их заспанные лица:

— Приказ Красовского — сегодня, 5 июля, с первыми лучами солнца нанести удар по восьми аэродромам харьковского узла. Эту задачу мы с вами отрабатывали на штабных учениях. Да кроме того, у меня здесь с фашистами старые счеты... Значит так: начальнику штаба поднять дивизии корпуса по тревоге. Я буду в седьмой гвардейской — с «передка» виднее. А ты, замполит, куда?

— Я, пожалуй, к Баранчуку в дивизию. Посмотрю, как истребители на прикрытие штурмовиков вылетать будут.

— Добро, — командир корпуса первым встал из-за стола. — Значит, начинаем!

...Короткая июльская ночь подходила к концу. На аэродроме в Сокольниках фашисты вели последние приготовления к вылету. Над летным полем стоял ровный гул прогреваемых моторов. Небо на востоке только-только начинало розоветь. Казалось, ничто не может помешать подняться в воздух армаде бомбардировщиков.

Когда первые «юнкерсы» двинулись к взлетной полосе, в небе появилась восьмерка наших штурмовиков. Во время первой же атаки они сбросили бомбы на стоянку, точными попаданиями разметав несколько самолетов. И все-таки один из «юнкерсов» упрямо пошел на взлет. Летчик стремился скорее выбраться из этого ада, в который превратился тихий аэродром...

Набирая скорость, бомбардировщик все быстрее катился по взлетной полосе, натужно ревя моторами и стараясь оторвать от земли свое начиненное смертоносным грузом брюхо. Еще несколько секунд — и он поднимется в воздух. Но тут прямо перед ним взорвались две бомбы, сброшенные штурмовиком, правое колесо попало в свежую воронку, шасси подломилось. Пропахав несколько десятков метров, «юнкере» неуклюже развернулся поперек взлетной полосы и вспыхнул. Сверху было видно, как выпрыгивали из кабины фашистские пилоты, как бежали они со всех ног, отстегивая на бегу парашюты, стараясь до взрыва спрятаться в какой-нибудь яме на краю аэродрома...

А восьмерка «илов» вновь пошла на штурмовку. Вражеские зенитчики, проворонившие первую атаку советских самолетов, открыли бешеный огонь. Но было уже поздно. Снова стоянки «юнкерсов» перечеркнули трассы авиационных пушек и пулеметов.

Командир штурмовиков капитан Степанов с большим удовлетворением наблюдал за работой своих подчиненных. Он оглядел группу — все самолеты были целы.

— «Горбатые», работу кончили. Возвращаемся! — приказал он.

Такой удар штурмовики Рязанова нанесли по фашистам не только в Сокольниках, но и на аэродромах в Рогани, Померках, Микояновке, Томаровке. Десятки вражеских бомбардировщиков не смогли в это утро выполнить задание.

...Бои на земле и в воздухе не затихали ни на минуту. Шел третий день битвы под Курском. Утром 7 июля застало Рязанова на переднем крае. Он всегда старался обосновать свой НП на самом горячем месте. Вот и сегодня не успели наладить связь с

дивизиями и корпусом, познакомиться с командиром истребительно-противотанкового полка, сзади позиций которого расположились, как раздался тревожный возглас:

— Танки!

«Вот дьявол, — подумал Рязанов, — и оглядеться как следует не дали». Он посмотрел в бинокль. Отсюда, с этой высотки, господствующей над окружающей местностью, все поле предстоящего боя было видно как на ладони. Фашистские танки, набирая скорость, двинулись к окопавшимся нашим пехотинцам и артиллеристам.

— Пожалуй, около двух полков, товарищ генерал, не меньше, — тревожно прошептал адъютант Саша Дресвянников, тоже наблюдавший за этой атакой.

— Да, тут небольшими группами ничего не сделаешь. Нужен массированный налет. Придется менять тактику. Кто у нас на подходе? — спросил Рязанов связиста.

— Три группы восьмисотого полка.

Генерал решительно взял в руки микрофон рации:

— «Горбатые» восьмисотого. Я — «Грач»! Район удара — танки у деревни Сырцово.

Три десятка «илов» совершили внезапный массированный налет. Атакующие фашистские танки сразу же скрылись в плотной туче дыма и огня. Генерал видел только, как вновь и вновь ныряют к земле штурмовики а навстречу им несутся разноцветные трассы «эрликонов». С болью наблюдал Василий Георгиевич, как, клюнув носом, вошли в последнее пике два штурмовика, а один, теряя высоту, потянул к линии фронта. Пламя лизало левую плоскость самолета. Откуда-то сверху и сзади на израненную машину свалился вражеский истребитель. Однако летчик подбитого штурмовика словно не замечал смертельной опасности. Вот сейчас фашист зайдет в хвост и... Внезапно огненные шары реактивных снарядов перечеркнули курс вражеского самолета перед самым его носом. «Мессершмитт» резко отвернул в сторону, тотчас потеряв удобную позицию для атаки, и на бреющем вышел из боя.

Горящий «ил» тяжело приземлился на небольшую полянку у самого переднего края. Из кабины выпрыгнул летчик. Василий Георгиевич видел, как несколько вражеских танков изменили направление и, открыв огонь, направились к подбитому самолету. И тут на посадку пошел второй штурмовик...

— Ну куда, куда тебя понесло! — не выдержав, закричал генерал.

...Сначала все шло хорошо. Услышав приказ командира, комэск 800-го штурмового авиаполка Степан Пошивальников

немедленно изменил курс своей эскадрильи. Он сразу заметил вражеские танки. С высоты они казались совсем безобидными. «Много их, трудно пехоте придется», — подумал комэск и повел эскадрилью на танки. Близкий разрыв снаряда тряхнул самолет. Первой мыслью было: «Подбили». Но штурмовик по-прежнему слушался каждого движения, мотор продолжал работать. Пошивальников бросил взгляд на приборную доску — все нормально. На всякий случай окликнул стрелка. В ответ молчание. Еще раз окликнул, и снова безрезультатно.

«Вот тебе и «все нормально», — подумал Пошивальников. — Стрелок убит — значит, машина сзади беззащитна. Но воевать-то на ней еще можно!»

И он вновь направил штурмовик на вражеские танки. Быстро падала высота. В прицеле росли бронированные коробки. Нажал гашетки и увидел, как задымили несколько фашистских танков. Но «ил» содрогнулся снова. «Опять зенитный снаряд... Вот не везет», — командир эскадрильи развернул штурмовик на восток и попытался набрать высоту. Однако машина почти не слушалась. Он с трудом удерживал ее от срыва в губительный штопор.

Внезапно Пошивальников почувствовал запах гари. Взглянув на изувеченную плоскость, увидел, как пляшут на ней язычки пламени. Можно было попробовать сбить огонь скольжением на крыло. Но как скользить, если до земли считанные метры? Выход был только один — немедленно садиться. Комэск не видел, как отвалил вражеский истребитель. Он вообще не заметил этой атаки. Его внимание было сконцентрировано на небольшой площадке у нашего переднего края. Только летное мастерство помогло Пошивальникову относительно благополучно посадить горящую машину.

Выключив мотор, он выбрался на крыло. В уши сразу же ударили звуки близкого боя. Заглянул в кабину стрелка. Тот сидел без движения, опустив голову: убит. Степан спрыгнул на землю. Близкий разрыв снаряда заставил его пригнуться. Из облака дыма и пыли прямо на него двигались четыре фашистских танка. Комэск огляделся: кругом ровная степь, не убежишь. Что делать? И вдруг он вновь услышал знакомый гул авиационного мотора. Поднял голову и увидел, как на посадку заходил штурмовик со знакомым номером на фюзеляже.

— Сашка Гридинский, мой ведомый, — прошептал Пошивальников. — Что он делает? Зачем? Ведь сам погибнет...

А «ил» уже приземлился и, поднимая пыль, рулил к подбитой машине. Степан бросился к знакомому самолету, вскочил на плоскость и сразу же увидел открытый фонарь кабины воздушного стрелка. Перевалившись через борт, сел на колени

стрелку. Мощный мотор взревел. Штурмовик, набирая скорость, сделал короткий разбег и поднялся в воздух.

— Все в порядке, товарищ комэск. А мы уж думали, что вам крышка! — проговорил стрелок.

Пошивальников озорно щелкнул его по носу:

— Рано хоронить решили. Мы еще повоюем!..

Между тем атака фашистских танков продолжалась.

Все больше их горело на поле боя. Но пехоте и артиллеристам тоже приходилось несладко. Немало орудий разбито прямыми попаданиями, все реже слышны выстрелы противотанковых ружей. Несколько бронированных машин все же прорвались к командному пункту полка, но были подбиты и сожжены гранатами и бутылками с горючей жидкостью.

Помогло то, что над полем боя господствовали «илы» 1-го штурмового авиакорпуса. Они нанесли несколько сосредоточенных ударов по вражеским резервам. Едва только улетели, как над деревнями Большие Маячки и Красная Дубровка снова показалось несколько групп штурмовиков. Рязанов руководил ими, как опытный дирижер хорошо сыгранным оркестром. А иначе было нельзя: кое-где фашистские танки уже вели бой в глубине нашей обороны. Летчики могли легко ошибиться и ударить по своим.

Василий Георгиевич не выпускал из рук микрофона. Летчики слышали спокойный, уверенный голос командира корпуса, знали, что он следит за их атаками. День уже клонился к вечеру, а напряжение боя не уменьшалось.

Фашисты тоже поняли, что штурмовиками, которые принесли им сегодня столько неприятностей, руководит опытная рука. Они засекли место работы радиостанции, сюда-то и был направлен их удар. Все чаще вокруг НП Рязанова стали рваться снаряды, а с десяток вражеских «тигров» стали заходить в тыл, стремясь отрезать небольшую группу авиаторов от их подразделений.

Увлекшись боем, генерал не замечал надвинувшейся с фланга опасности. И только когда снаряды танковых пушек стали рваться чуть ли не у самой смотровой щели блиндажа, он обратил на это внимание. Положение оказалось очень сложным. Только что улетела последняя группа штурмовиков. Другие были еще на подходе. Правда, с фланга блиндаж прикрывали два расчета противотанковых ружей. Но что они могли сделать десятку закованных в мощную броню «тигров»?

Покидать наблюдательный пункт было уже поздно. Василий Георгиевич оглядел свое воинство: всего четыре человека, имевшие при себе три автомата, два пистолета да две противотанковые гранаты. «Вот так, — подумал он. — Для десяти

«тигров» все наше вооружение — на один чих. Что же делать?» И он, вновь подняв к глазам бинокль, взглянул на приближающиеся танки. Фашисты не знали точного расположения хорошо замаскированного наблюдательного пункта авиаторов. Но были уверены, что командир штурмовиков находится где-то здесь, на этой высотке, которая господствовала над окружающей местностью. Уже можно было различить темные фигуры автоматчиков танкового десанта, заметить, как шевелятся, словно принюхиваясь, длинные стволы пушек... Вдруг почти одновременно вспыхнули два «тигра» «Неужели, пэтээровцы? — удивился про себя Василий Георгиевич. — Да не может этого быть! От их позиции до танков около двухсот метров. А с этой дистанции пуля бронебойки — семечки для «тигра», даже не почувствует. Нет, тут что-то не то...»

— Наши! — радостно крикнул кто-то.

Но генерал уже и сам видел «тридцатьчетверки», атаковавшие во фланг фашистские танки. Неуклюже разворачиваясь, «тигры» меняли объект атаки.

— Товарищ генерал, штурмовики на подходе, — доложил радист невозмутимым голосом.

— «Горбатые», цель — «тигры», левее Красной Дубровки! — приказал Рязанов. — Не заденьте наши «коробочки».

— Вас понял. Цель вижу, — ответил ведущий группы.

Штурмовики, пользуясь тем, что все внимание фашистов было обращено на атакующие советские танки, снизились чуть ли не до самой земли. Заход, еще один — и на поле боя запылали восемь вражеских машин.

Вечерело. Бой понемногу стихал. К наблюдательному пункту подползла закопченная «тридцатьчетверка». Откинулся люк, и из башни вылез невысокий лейтенант в выгоревшем комбинезоне. Он спрыгнул на землю, сдвинул на затылок шлем. Увидев выходящего из блиндажа человека и разглядев генеральские погоны на нем, встал по стойке «смирно».

— Товарищ генерал! Лейтенант Васильев из 516-го танкового.

Рязанов улыбнулся:

— Это ты, герой, вон те «тигры» атаковал?

— Так точно, я. Мне командир полка специальное задание дал — прикрыть ротой ваш НП. Только нам два удалось подбить, остальные ваши штурмовики растрепали. Здорово бьют, не дай бог под их удар попасть!

— Ну спасибо, лейтенант. Выручил сегодня нас...

К себе, в штаб корпуса, Василий Георгиевич вернулся поздно ночью. Едва успел умыться и сел поужинать, как вошел начальник штаба генерал-майор Александр Алексеевич Парвов.

— Заходи, заходи, не стесняйся. Что не спишь, полуночник? Какие новости?

— Звонил Красовский, благодарил за работу. А эту телеграмму мы получили на ваше имя.

Рязанов развернул небольшой листок и прочел: «Командиру 1-го штурмового авиакорпуса. Командующий 7-й гвардейской армией передал вам, что работой штурмовиков наземные части очень довольны. Штурмовики помогают хорошо».

— Надо, чтоб об этой телеграмме узнали все летчики корпуса. Это очень важно с точки зрения воспитания духа.

Парвов улыбнулся:

— А что, Василий Георгиевич, тебе комиссарское прошлое спокойно спать не дает?

— Зря улыбаешься, Александр Алексеевич. Есть прописная истина: хороший командир должен быть и хорошим воспитателем. А тем, что службу военную начал инструктором политотдела 17-й Нижегородской дивизии, горжусь. Да и в авиации с политработой не расставался: до двадцать седьмого года был помощником военного комиссара школы летчиков. Вот так, дорогой мой, Ты лучше скажи, потери в корпусе большие?

Начальник штаба молча опустил голову.

— Значит, большие. Эх, каких людей эта проклятая война уносит, каких людей! Потребуйте от командиров, чтобы своевременно представили к наградам отличившихся. Особенно обратите внимание на восьмисотый штурмовой. Там один летун товарища с подбитого самолета прямо из-под носа фашистов вывез. Спас от верной смерти или, хуже того, плена. Пусть представят к награде.

Курское сражение разворачивалось, словно туго сжатая пружина. В конце четвертых суток Рязанов возвращался на «виллисе» с передовой. Всю дорогу, пока машина пылила по проселку, он молчал, прислушиваясь к неумолкаемому артиллерийскому гулу. Его адъютант объяснял это молчание обычно разговорчивого командира тем, что сегодня для него выдался нелегкий денек. К тому же в течение двенадцати часов генерал не притронулся к еде. Последние недели Дресвянников с ног сбился в поисках хорошего повара, который мог бы готовить диетические блюда. Повезло: в одном из батальонов аэродромного обслуживания нашел солдата, который до войны работал в одном из московских ресторанов. Сказал об этом генералу, но тот, поморщившись, отмахнулся:

— Сейчас не до этого.

Войдя в хату, где размещался штаб, Василий Георгиевич расстегнул воротник кителя, сел и откинулся на спинку стула.

Перед ним лежала кипа документов, которые требовали его подписи.

— Саша! — окликнул он адъютанта в полуоткрытую дверь. — Позови начштаба.

Вскоре вошел Парвов.

— Александр Алексеевич, покажите мне список потерь за сегодняшний день.

Парвов молча вынул из папки листок, на котором был напечатан длинный столбик фамилий. Рязанов начал медленно читать: дошел до фамилии капитана Малова и вопросительно взглянул на начальника штаба.

— Был смертельно ранен в районе Тетеревиного Лужка, — ответил тот. — Перетянул линию фронта. Упал на дубовую рощу.

— Соедини меня с подполковником Митрофановым, — резко бросил Рязанов адъютанту. И тут почувствовал, как защемило сердце...

Однажды на Калининском фронте он вместе с полковником Каманиным приехал в 800-й штурмовой авиаполк. Осмотрели самолеты, прошлись по влажной траве, которую только что смочил небольшой дождик. Потом в просторном доме собрались командиры эскадрилий и звеньев.

— Хочу узнать, как вы намерены воевать? — сказал Рязанов, обращаясь к собравшимся.

— Разрешите мне, — поднялся летчик с орденом Красного Знамени на гимнастерке. — Старший лейтенант Малов.

Рязанов взглянул на рослую, широкоплечую фигуру, на лицо с внимательными, глубоко посаженными глазами.

— Пожалуйста.

Старший лейтенант говорил о многом. Но главное — о дружбе штурмовиков и истребителей.

— Ведь если меня прикрывает каждый раз одна и та же группа, то я их почерк знаю, и они ко мне, к моим «выкрутасам» привыкают...

Рязанов слышал, как Малов, садясь, сказал старшему лейтенанту Пошивальникову:

— Мне нравится, что генерал не навязывает нам своих установок...

После совещания командиры стали расходиться. Генерал подошел к Малову. Он привык при знакомстве с подчиненными спрашивать, где те родились, учились, как жили до войны...

Были и еще встречи с Маловым.

30 октября прошлого года командир корпуса отдал приказ разбомбить аэродром фашистов севернее Смоленска. Каманин назначил ведущим группы старшего лейтенанта Михаила Малова.

— Сколько заходов сделаете? — спросил его командир дивизии.

— Не меньше двух, товарищ полковник.

— Вопрос о количестве заходов решайте сами по обстановке. Когда будете проходить над КП командира корпуса, доложите о своей задаче.

Да, Василию Георгиевичу часто приходилось слышать голос Малова по радио.

— Как самочувствие? — спросил он у ведущего, когда группа «илов» с ревом пронеслась над КП.

— Отличное, товарищ генерал.

Штурмовики, ведомые Маловым, точно в расчетное время вышли на вражеский аэродром. Сделали по три захода, уничтожив четырнадцать самолетов, двадцать автомашин, проштурмовав пулеметно-пушечным огнем бензозаправщики и склад боеприпасов. Рязанов с удовлетворением подписал первые наградные листы на Михаила Малова и его ведомых.

Пятнадцать раз водил Михаил эскадрилью на штурмовку вражеских позиций под Великими Луками. Однажды он обнаружил на железнодорожной станции два эшелона противника. Снизившись, расстрелял из пушек паровозы, затем приказал ведомым:

— Теперь ваше слово. Бейте по эшелонам!

Реактивные снаряды, пущенные «илами», угодили в вагоны с боеприпасами. Огненный фейерверк перекинулся на цистерны с горючим. Железнодорожная станция превратилась в кромешный ад.

В другой раз на станции Ново-Сокольники эскадрилья Малова накрыла разгружавшуюся из вагонов войсковую часть. В первый заход штурмовики ударили из пулеметов по разбегавшимся фашистам, во второй — разбили вагоны и пристанционные склады.

Несколько раз Малов водил «ильюшины» в район населенных пунктов Громово и Бутитино — сбрасывали «гостинцы» на фашистские танки и мотопехоту, не позволяя им соединиться с окруженным в Великих Луках гарнизоном.

Над Курской дугой Михаил тоже отличился. Как только его эскадрилья 5 июля сбросила бомбы на немецкие танки, он услышал в наушниках знакомый голос Рязанова:

— «Сокол-1», как «птабы»? Как чувствуют себя «тигры»?

— Горят, товарищ генерал. Здорово горят.

Через несколько дней над полем танкового сражения в прицел его пушек попал «мессершмитт». Удар был точен: снаряд надвое развалил желтый фюзеляж вражеского истребителя. Тогда

же Малов сумел подбить и немецкую новинку — «Фокке-Вульф-190». Рязанов, узнав об этом, лично собрался поблагодарить аса за высокое летное мастерство и снайперскую точность, да вот не успел.

Вошел адъютант.

— Командир полка на проводе.

— Товарищ Митрофанов, — сказал Василий Георгиевич по телефону, — прошу о гибели Малова рассказать поподробнее.

Отогнав воспоминания, генерал вслушивался в слова сообщения.

— Сегодня, 8 июля, капитан Малов в четвертый раз повел эскадрилью в район Тетеревиного Лужка. Удар был, как всегда, точен. После штурмовки на земле осталось более десятка подбитых «тигров». Но и противник огрызался яростно... Один из зенитных снарядов угодил в самолет ведущего. Я сам видел, как он еле-еле тянет. На подходе к аэродрому мотор заглох, и Малов был вынужден садиться на деревья.

— Ну и что же? — нетерпеливо переспросил Василий Георгиевич.

— Я вызвал комэска по радио. Ответа не было. Послал санитарную машину с полковым врачом, техником и мотористом. Когда они подъехали — увидели просеку. В конце ее и уткнулся в землю «ил». Капитан Малов и воздушный стрелок Борисов были мертвы.

— Так-ак, — тихо и как-то растерянно протянул Василий Георгиевич. — Каких летчиков теряем!

И тут же приказал:

— Похоронить погибших в Новом Осколе со всеми воинскими почестями. А сейчас немедленно готовьте документы на награждение Малова. Представьте на Героя. Он заслужил этого.

— Ясно, товарищ генерал.

Через день Рязанов читал наградной лист на командира первой эскадрильи 800-го штурмового авиаполка капитана Малова. В нем говорилось о том, что за два последних года комэск в качестве ведущего группы совершил 80 боевых вылетов, провел пять штурмовок немецких аэродромов, где уничтожил восемь бомбардировщиков и четыре истребителя. На белгородском направлении Малов разбил 4 бомбардировщика, 2 истребителя, 17 танков, 36 автомашин, 2 орудия, 3 самоходные артиллерийские установки, взорвал 4 склада и расстрелял до 500 гитлеровцев.

Генерал еще раз перечитал скупые строчки наградного листа, и, вздохнув, подписал его.

Талант полководца

12 июля в районе Прохоровки началось ожесточенное танковое сражение, в котором участвовало более 1200 боевых машин с обеих сторон. Перед 1-м штурмовым авиакорпусом была поставлена задача — уничтожать рвущиеся вперед гитлеровские танки, громить резервы.

В этот день майор Володин, как обычно, проверил, хорошо ли настроена радиостанция его «ила», как оружейники подвесили «фабы», «эрэсы», уложили в кассеты «птабы», зарядили пушки и пулеметы.

32 самолета ждали команды Рязанова, который находился со своей радиостанцией на КП командующего танковой армией Ротмистрова.

— Вылет разрешаю! — раздался наконец в шлемофоне ведущего спокойный голос генерала. — Курс — Прохоровка.

До цели было еще далеко, но зоркие глаза Володина сразу же опознали ее по густому черному дыму — это горели танки. Он связался с КП командира корпуса:

— Цель наблюдаю. Разрешите выполнять задачу?

— Выполняйте! — последовал приказ.

Хотя штурмовики шли на приличной высоте, при подходе к цели дым застилал пилотам глаза, мешал произвести точный удар.

— Из-за сильного дыма цель не вижу, — сообщил на КП Володин, — снижаюсь.

— Правильно, — одобрил Рязанов.

Снизившись до 400 метров, летчики увидели, как перемешались на поле боя советские и фашистские танки. Легко можно было ошибиться и ударить по своим. Володин принял решение — не допустить сюда вражеские резервы.

Первую атаку провели с ходу, подавив пушечным огнем зенитное прикрытие. С каждым новым заходом штурмовиков на поле увеличивалось число горящих машин.

— Группа работает хорошо, — сообщил ведущему Рязанов. — «Хозяин» доволен.

Володин понял, что под «хозяином» подразумевался командующий Воронежским фронтом генерал армии Н. Ф. Ватутин.

И вот по радио отдан новый приказ:

— Повторите заход на цель юго-западнее Прохоровки.

Снова Володин собрал группу в мощный кулак и обрушил смертоносный груз на головы гитлеровцев.

— Задание выполнено! — доложил он. — Разрешите идти домой?

— Разрешаю. Будьте внимательны: в воздухе истребители противника.

Набрав высоту, Володин поджидал ведомых. Вдруг он увидел на западе, под самой кромкой облаков, около 50 «юнкерсов». Они шли в сторону позиций советских войск.

Решение было принято мгновенно: «напасть и расстроить их порядки. Не дать отбомбиться по нашим». — Справа бомберы! Приготовиться к бою. — Команду Володина услышали все летчики. Они уже сами видели цель и подтвердили команду ведущего.

Все 32 «ила», сделав разворот, внезапно врезались в строй немецких бомбардировщиков. Точными пулеметно-пушечными очередями они сбили 11 «юнкерсов».

Фашисты не ожидали такого маневра штурмовиков, кинулись в разные стороны, в панике сбрасывая бомбы куда попало. Потом повернули назад и стали уходить. А группа майора Володина в этой схватке не потеряла ни одной машины.

После ожесточенных оборонительных боев на Курской дуге наши наземные части приостановили наступление гитлеровцев, измотали их, а затем сами перешли в контрнаступление. Корпус Рязанова был переподчинен Степному фронту, которым командовал генерал-полковник И. С. Конев.

До 20 июля ежедневно, по нескольку раз в день, летчики полка Володина вылетали на штурмовку врага. Во время одного из полетов воздушные разведчики обнаружили близ села Борисовка, юго-западнее Белгорода, колонну танков противника, которая только что сошла с железнодорожных платформ и готовилась к маршу.

Командир корпуса поставил перед штурмовым полком задачу: с рассветом под прикрытием истребителей нанести удар по танкам.

И вот рано утром Володин поднял в воздух три свои восьмерки... Тем временем погода ухудшилась. Небо затянули облака. Пришлось снизиться до 650 метров.

Танковая колонна появилась неожиданно, и штурмовики атаковали ее. Затем повторили атаку. В местах бомбовых ударов на железнодорожных путях возникли очаги пожара, раздались сильные взрывы и повалил густой дым — горели цистерны с топливом.

После выполнения боевого задания группа возвратилась на базу. Командир дивизии подтвердил ту же цель и для второго вылета. Ведущим на этот раз Володин назначил своего

заместителя по политической части майора М. М. Ушакова.

24 «летающих танка» под прикрытием «яков» снова взяли курс на железнодорожную станцию. Первая атака получилась успешной. Но на втором заходе на них неожиданно сверху свалились «фокке-вульфы». Пулеметной очередью был подожжен самолет ведущего и убит воздушный стрелок.

...Вечером командир 247-го истребительного полка подполковник Кутихин тут же, на полевом аэродроме, собрал летчиков, которые прикрывали штурмовиков. Не успели начать разбор летного дня, как из-за верхушек деревьев, стрекоча мотором, появился небольшой самолет. Он скользнул к земле и, прокатившись немного по летному полю, остановился. Из кабины выбрался стройный летчик. Стянув с головы шлем, пригладил волосы и, надев фуражку, быстро зашагал к собравшимся. Все узнали в нем командира корпуса.

— Товарищи офицеры! — но летчики и без команды уже построились в шеренгу.

Кутихин начал было рапортовать. Рязанов, нетерпеливо махнув рукой, прервал его:

— У вас что, послеполетный разбор? Вот давайте его и продолжим. Я попросил сегодня командира полка собрать вас для небольшого, но очень важного разговора. По-моему, в нем назрела необходимость. Дело вот в чем. Вы истребители. Это все знают, и никто в том не сомневается. Да, дивизия генерала Баранчука, то есть ваша дивизия, истребительная. Но, прошу понять и запомнить, входит она в состав штурмового корпуса. А если так, то главная задача ее состоит в том, чтобы прикрыть, сберечь от вражеских истребителей штурмовики. Им и без того трудно приходится. Сами, наверное, заметили, как по ним стреляют с земли все кому не лень. Иногда в такой огонь лезут, что...

— Да знаем, товарищ генерал, не первый день на фронте, — не выдержал кто-то.

Василий Георгиевич покосился в сторону говорившего и тот смущенно умолк.

— Так вот, за тех, кого собьет враг с земли, я с вас спрашивать не стану. А если потери у штурмовиков появятся от фашистских истребителей, буду рассматривать это как невыполнение приказа. Не гонитесь за числом сбитых самолетов. Для вас герой не тот, кто сбивает чужие, а тот, кто своих штурмовиков не дает в обиду. Прикрыть штурмовики, дать им работать спокойно — вот задача летчиков истребительной дивизии, входящей в состав штурмового корпуса, вот ваше главное дело.

Генерал внимательно оглядел собравшихся. Потом остановил взгляд на русоволосом, худощавом старшем лейтенанте, который сидел, низко опустив голову.

— Что повесили голову, Максимов? Сегодня у вас какой приказ был?

Старший лейтенант поднялся, теребя сильными пальцами гимнастерку:

— Прикрыть штурмовики...

— Как, выполнили этот приказ?

Еще ниже опустилась голова старшего лейтенанта:

— Нет, товарищ генерал...

— Вдвоем от четверки «фоккеров» штурмовиков прикрыть не могли. Срам! Я следил за вашим боем. Начали вы хорошо, а потом увлеклись, забыли о главном — о прикрытии штурмовиков.

— Только на минуту...

— А враг этой минутой воспользовался — и нет штурмовика. Опытный летчик, орденов вон сколько, вся грудь в них. И вдруг такая промашка. А раз виноваты — значит, будете наказаны. Командир полка, на завтра старшего лейтенанта Максимова от полетов отстранить! Учтите, в дальнейшем буду наказывать много строже. Всем понятно? Можете быть свободными.

Рязанов повернулся к командиру полка:

— Пошли, Яков Назарыч. Проводи меня до самолета.

Некоторое время шли молча.

— Как, командир, думаешь — поняли твои летуны свою главную задачу или нет?

— Поняли, товарищ генерал! Да они теперь скорее себя дадут сбить, чем штурмовики оставят без прикрытия.

— Ну-ну, в другую крайность бросаться тоже не годиться... А на Максимова наградной лист заполни — к боевому Красному Знамени. Как-никак, он сегодня двух фашистов в землю вогнал. Это у него какие по счету?

— Восьмой и девятый.

— Вот то-то и оно. Представь обязательно, а насчет отстранения от полетов на завтра — пусть помучается истребитель. Ну до встречи.

И командир корпуса привычно вскочил на крыло самолета. Застрекотал мотор. Поднимая легкое облачко пыли, самолет неторопливо разбежался и, не набирая высоты, прижимаясь к земле, почти на бреющем скрылся за верхушками деревьев.

Плотно запахнувшись в шинель, Василий Георгиевич дремал. Юркий «виллис» наматывал очередную сотню километров фронтовой дороги. Шофер уверенно крутил баранку, стараясь избежать рытвин и ухабов. Но это не всегда ему удавалось. Вот и

сейчас, объезжая обгоревшую громаду фашистского танка, он не рассчитал, и машина едва не сползла в кювет. Водитель негромко выругался, мгновенно переключил рычаг скорости и, круто вывернув руль, вновь выскочил на дорогу.

— Поаккуратней надо. Тоже водитель называется, — послышался недовольный возглас сидевшего на заднем сиденье автоматчика.

— «Поаккуратней», — передразнил водитель, убедившись в том, что и эта встряска не прервала дремоту командира корпуса. — Попробовал бы сам, когда танк на самой дороге застрял. Ладно, хоть вовремя увидел, а то бы «поцеловались» с ним лоб в лоб. У него броня, а у нас что? Вот и думай, кому из нас больше бы досталось...

Автоматчик прервал словоохотливого водителя:

— Устал?

— А ты как думал? Четвертые сутки так мотаемся по передовой да командным пунктам пехоты. А как к Днепру подошли, так вовсе покоя не стало. Я ведь как думал: генерала вожу, командира авиационного корпуса, значит, и жизнь у шофера спокойная будет: ну, там на аэродром отвезти, к начальству по вызову... Только тут, брат, все наоборот. Целыми днями по «передку» ездим. А уж бомбят нас, обстреливают — мочи нет! По два-три раза на день... Вот и сегодня ни свет ни заря к переправам через Днепр поехали. А ведь всем известно — с утра до вечера бомбит их фашист. И их, и плацдармы наши на том берегу. Значит, и нам достанется. Вот дьявол...

Шофер выплюнул обжегший губы окурок. Снова покосился вправо. Рязанов дремал, и голова его все ниже и ниже клонилась на грудь. Тусклый синий свет, освещавший приборы автомобиля, делал каким-то неживым похудевшее лицо генерала.

На командный пункт стрелковой дивизии добрались под утро. И сразу, как только заглох мотор машины, Василий Георгиевич отбросил проволгшую за ночь шинель, энергично растер ладонями лицо и вышел из машины.

Отсюда, с возвышенности, было видно все как на ладони: и широкая, потемневшая лента Днепра, и узкая ниточка переправы, перечеркнувшая ее, и непрерывный поток людей, машин, спешащих туда, на правый берег, где чуть заметными холмиками угадывались траншеи защитников плацдарма.

— Да, денек будет жарким, — озабоченно сказал Василий Георгиевич и повернулся к машине. — Связь, быстро!.. А машину в укрытие.

С командиром стрелкового соединения Рязанов сразу нашел общий язык. Да иначе и быть не могло. Измученный комдив

встретил авиаторов как лучших друзей. Уточнили передний край, границы плацдарма на правом берегу.

— Ну что же, если противник не дурак, а он не дурак, к сожалению, то постарается ударить одновременно и по переправе, и по плацдарму, чтобы сбросить вас, то есть пехоту, в Днепр. Так, генерал? — обратился Василий Георгиевич к командиру дивизии.

Тот молча кивнул головой.

— Помогать, так помогать. А вот завтрак отставить. До рассвета совсем ничего осталось. — И Рязанов повернулся к радисту: — Давай Чернецова.

...Приказ был предельно краток: вылет 820-му всем хозяйством. И вот с ближнего аэродрома один за другим стали срываться тяжелые бронированные машины. Набрав высоту, они ложились на боевой курс. Вскоре к ним присоединились истребители прикрытия. Майор Чернецов накренил свой штурмовик. В глаза бросился знакомый номер одного из «яков». «Луганский прикрывает. Значит, дело будет серьезное», — подумал он.

В наушниках послышался знакомый голос командира штурмового корпуса:

— Майору Чернецову нанести удар по фашистам на правом берегу Днепра. Только аккуратнее, не заденьте нашу пехоту на плацдарме.

А на КП, где находился Рязанов, было спокойно. Правда, командир пехотного полка доносил, что немцы скапливаются на левом фланге для атаки, но штурмовики были на подходе, а тоненькая ниточка днепровской переправы пока работала бесперебойно. Неожиданно в блиндаже раздалась команда: — Смирно!

Василий Георгиевич оглянулся и увидел знакомую фигуру Главного маршала авиации Александра Александровича Новикова. Тот нетерпеливо махнул рукой — «вольно». Но вдруг наблюдатель звонко крикнул:

— Самолеты противника!

В бинокль было видно, как волнами приближаются к переправам «юнкерсы» и «хейнкели», а над ними, словно шмели, вьются «мессершмитты».

Главный маршал оторвался от бинокля, увидев, как шестерка «яков», прикрывавшая переправу, устремилась навстречу вражеским самолетам. «Шестеро против ста — абсурд», — подумал он.

— Кто еще в воздухе?

— Штурмовики майора Чернецова. Прикрывают их истребители капитана Луганского. Их задача...

Главный маршал прервал доклад Рязанова на полуслове:

— Сейчас задача для всех одна — не пропустить фашистские самолеты к переправе, не дать им бомбить наши войска.

Оттеснив радиста, Рязанов сам взял микрофон:

— «Горбатые» и «маленькие»! Удар по бомбардировщикам. Вступить в бой всем. Всем!

В динамике послышался голос ведущего штурмовиков:

— Вас понял. Вступить в бой всем!

Рязанов увидел в бинокль, как тяжелогруженые «илы», не меняя боевого курса, стали набирать высоту и пошли навстречу фашистским самолетам. Вот все ближе, ближе подходят они. И вдруг огненные стрелы прочертили небо. Залп «эрэсов» был неожиданным для врага. В плотном строю фашистских самолетов реактивные снаряды наделали немало бед. Более десяти «юнкерсов» были сбиты этим залпом. Начиненные бомбами самолеты взрывались в воздухе, поражая своими осколками соседние машины.

Вражеская армада смешалась. Фашисты явно не ожидали, что их будут атаковать не истребители, а штурмовики, в сущности, мало приспособленные для этой цели.

«Илы», пройдя сквозь вражеский строй, вновь, несмотря на огонь фашистских воздушных стрелков, развернулись для атаки и ударили из пушек по «юнкерсам». И тогда вражеские бомбардировщики, сбросив смертоносный груз куда попало, развернулись и стали уходить на запад.

— Молодцы, «горбатые», — похвалил Василий Георгиевич летчиков майора Чернецова.

— Рано благодарите, — сказал Новиков.

И действительно, еще одна, правда, уже не такая многочисленная группа «хейнкелей» приближалась к переправам. Оставались считанные минуты.

— Капитану Луганскому! — голос Василия Георгиевича был тревожен. — Не допустить фашиста к переправе. Сделать все возможное и невозможное.

И вновь воздушный бой переместился почти к самым переправам. Танкисты, пехотинцы, минометчики, скопившиеся на левом берегу, видели, как откуда-то сверху парами свалились на «хейнкели» стремительные «яки». Рев моторов, стрекот пулеметов, резкие, звонкие очереди авиационных пушек — все это слилось в сплошную какофонию звуков.

Вот ведущий группы «яков» снизу атаковал вражеского флагмана и ударил пропеллером по хвостовому оперению самолета. Тот качнулся и, беспорядочно кружась, пошел вниз. Мгновение — и «хейнкель» скрылся в днепровских водах.

Лишившись флагмана и опасаясь новых атак советких истребителей, фашистские самолеты повернули обратно. Василий Георгиевич отер платком выступившую лице испарину и перевел дух. Небо над переправой было чистым, лишь где-то в вышине барражировала новая, только что прилетевшая шестерка истребителей из дивизии генерала К. Г. Баранчука.

— Ваше приказание выполнено. Бомбардировщики врага рассеяны, товарищ главнокомандующий.

— Ну что же, спасибо. Огромное спасибо и тебе, и твоим летчикам за переправу. Ведущего штурмовиков представить к званию Героя Советского Союза, остальных — к орденам. Капитану Луганскому за личную храбрость... Это он фашиста таранил?

— Так точно, он, Луганский.

— Ему орден Александра Невского, за храбрость и умение. Ну а тебе, командир корпуса, задание прежнее — прикрыть наш плацдарм и переправы.

И маршал покинул командный пункт, крепко пожав на прощание руку Рязанову и командиру стрелковой дивизии.

— Что будем делать дальше? — спросил Василий Георгиевич генерал-майора.

— Может, пока затишье, позавтракаем? — предложил комдив.

Но Рязанов уже услышал знакомый гул приближающихся штурмовиков.

— Нет, командир, завтрак придется снова отложить. Слышишь, мои подходят... — Василий Георгиевич взял микрофон: — Пошивальников! Работайте на переднем крае. Не заденьте плацдарм.

Тяжелые штурмовики пересекли ленту Днепра и начали утюжить вражеские позиции. Видно было, как огрызалась зенитная артиллерия, но «илы» продолжали «клевать» землю.

Командир дивизии бросился к телефону:

— Загоруйко, к атаке готов? Ну вот и хорошо. Давай двигай вперед, пока тебя авиация прикрывает.

Василий Георгиевич поднял бинокль. Было видно, как из наших окопов поднялись редкие цепи атакующих. А «илы» эскадрильи Пошивальникова, выходя из атаки, разворачивались своеобразным веером. Сейчас они уйдут домой. Три захода уже сделано. Ясно: ни бомб, ни «эрэсов», ни снарядов у штурмовиков уже нет. Только небольшой запас патронов у стрелков — на всякий случай, чтобы отбиться от вражеских истребителей. А фигурки атакующих еще не достигли окопов противника...

— Степан, — генерал говорил в микрофон совсем тихо, —

нужен еще один заход. Пойми — пехота атакует. Давай, хотя бы холостой...

И вновь развернулись штурмовики Пошивальникова. Они снизились почти до самой земли. Беспрерывные штурмовки не давали поднять головы фашистам. Они опомнились, когда в их окопы ворвались атакующие, и закипела рукопашная...

Генерал-майор торопливо схватил трубку полевого телефона:

— Загоруйко! Ну как? Полный порядок? Хорошо. Немедленно переводи вперед все части. И закрепляйся. Фашисты могут атаковать и ночью... Да, пришлю...

Командир дивизии повернулся к Рязанову: — Спасибо, авиация. Почти вдвое плацдарм расширили. Теперь нас шиш в Днепре искупаешь. Теперь мы на коне... — И удивленно воскликнул: — Смотрите, уже и шарик садится. Ну и денек!.. Давайте, товарищ генерал-лейтенант, пообедаем у нас. Хотя какой это обед, скорее, ужин...

У Василия Георгиевича выдался один из немногих более или менее спокойных вечеров. Он только что побывал в бане и сейчас, расстегнув китель, блаженствовал за стаканом крепкого чая. Резкий телефонный звонок нарушил чаепитие. Генерал взял трубку.

— Да, слушаю. Так... Так... Что значит «одноглазый»? Кто, Драченко? Этот разведчик? Ну и как? Завтра его в полет не выпускайте. Утром прилечу — решим...

Василий Георгиевич, волнуясь, прошел по скрипучим половицам пола.

— Вот чертов летун! Наделал делов. Он, видите ли, воевать хочет, а тут ломай голову, как с ним поступить. Хотя, что я раздумываю, соберем завтра комиссию, проверим технику пилотирования. Если все нормально, пусть воюет[2].

...Утром на летном поле части собралась целая комиссия из лучших пилотов корпуса. Ждали генерала. Вскоре показался всем знакомый самолет Рязанова. Он сделал круг над аэродромом, потом скользнул вниз и вот уже, тарахтя мотором, зарулил на стоянку. Генерал, прилетевший вместе с подполковником Володиным, поздоровался с летчиками. Потом, увидев стоящего чуть в стороне Драченко, подошел к нему и тихо спросил:

— Как, волнуешься? Ничего, все будет нормально. — И, оглядев ежившихся от январского мороза летчиков, громко добавил: — Комиссия, кажется, вся в сборе. С чего начнем? С проверки техники пилотирования или беседы с медициной?

Невысокий военврач подошел к генералу:

— Мы, медики, считаем проверку бесполезной. Человек, имея один глаз, летать на боевом самолете не может. Это наше твердое

мнение.

Рязанов хитро прищурился:

— Значит, не может летать? Так... А что скажет медицина, если я назову имя одного американского летчика-испытателя? О Вилли Посте, надеюсь, слышали, товарищ военврач? Тоже только один глаз имел, а как летал! Да и Драченко не первый месяц на фронте, вчера в полете был. Так что начнем проверку. Давай, Драченко, вылетай. Покажи медицине, на что способен советский человек, когда Родину защищает. И не волнуйся... Подполковник Володин полетит вместе с тобой.

Доброжелательное отношение командира корпуса сняло остатки волнения. А когда заработал мотор и штурмовик пошел на взлет, Драченко уже был совсем спокоен. Но помня, что внизу, на старте, за его полетом наблюдает такая авторитетная комиссия, постарался выжать из своего штурмовика все. Левый вираж, правый. Крутое пике и вновь набор высоты. Казалось, самолет сам переходил из одной фигуры высшего пилотажа в другую. Потом летчик совершил аккуратную «коробочку» над аэродромом и сел точно у посадочного знака. Выключив двигатель, Драченко откинул фонарь и, спрыгнув на землю, неторопливо пошел к комиссии. Вскинул ладонь к шлему:

— Товарищ генерал! Старший сержант Драченко полет закончил. Разрешите получить замечания.

Командир корпуса обнял пилота.

— Какие замечания? Да если б у меня все так летали... Как, комиссия?

Летчики подтвердили мнение генерала. Один военврач не согласился:

— Летать, конечно, он может, но только в хорошую погоду. А в плохую...

Василий Георгиевич перебил врача:

— Ладно, в плохую погоду вылетать Драченко будет лишь по моему разрешению... — И тихо добавил: — Не волнуйся, Иван. Надо же медицине уступку сделать. А воевать — воюй на здоровье.

И Драченко продолжал воевать. Почти ежедневно, если позволяла погода, водил группы на штурмовку, «свободную охоту», а то и в одиночку вылетал на разведку. И нередко в шлемофоне слышал знакомый басок генерала:

— Ну-ка, летуны, еще один заход...

Рязанов не забыл Драченко. Он вообще помнил сильные и слабые стороны большинства своих ведущих. А тут после такого экзамена по технике пилотирования, фамилия одноглазого летчика запомнилась надолго. Вот почему, когда потребовалось

разведать коммуникации противника, расположенные на берегах Южного Буга, Василий Георгиевич предложил командиру полка направить на это дело Драченко.

Ведомым у него был Анатолий Кобзев. Пара штурмовиков достигла линии фронта. Блеснула полоска реки. Несмотря на сильный зенитный огонь, летчики сделали свое дело. Передали на командный пункт данные разведки. Задание выполнено, можно было повернуть обратно. Но нет, еще рано. Драченко снизился к самой реке и вдруг заметил продолговатое темное пятно. Вражеский катер! «Видно, кто-то важный на нем плывет», — подумал летчик и нажал кнопку бомбосбрасывателя. Разворачиваясь, заметил, что бомбы легли рядом с катером, и судно потеряло ход. Еще заход, еще... Снаряды авиационных пушек вдребезги разбили обшивку катера. Последний заход, включены фотоаппараты...

Теперь можно домой, и пара штурмовиков на бреющем ушла на восток, к знакомому аэродрому. Едва только летчики выбрались из машин, как подбежали люди и стали их качать.

Командир полка поздравил Драченко и Кобзева с победой.

— Это вы потопили катер на Южном Буге?

Летчики переглянулись:

— Мы, кажется...

— В нем какие-то важные генералы переправлялись. Спаслись немногие. Звонил командир корпуса, велел вас поздравить. А тебя, Драченко, особенно. Присвоили тебе офицерское звание — младший лейтенант — и представили к ордену Славы I степени... Так что будешь ты у нас полный кавалер.

Драченко оправдал надежды генерала Рязанова. Самые сложные задания он выполнял успешно. За последний год войны еще три награды украсили его грудь — ордена Красного Знамени, Отечественной войны, Красной Звезды.

Однажды в районе единственного места переправы на правом берегу реки укрылось в засаде несколько фашистских «тигров». Дважды пытались наши танкисты перейти водный рубеж, но, понеся потери, отступили. Вся надежда была на авиацию.

Рязанов приказал вызвать к нему Драченко. Тот вскоре прибыл. Командир корпуса развернул карту и объяснил задачу. Потом спросил летчика:

— Как? Выполнишь?

— Постараюсь, товарищ генерал. Разрешите самому отобрать экипажи — тут работа нужна ювелирная.

— Разрешаю. И удачи тебе!

Вскоре группа штурмовиков вылетела на боевое задание. Вел ее Драченко. Вот и река. Сверху летчики видели, как начали

менять позиции вражеские «тигры», торопясь спрятаться в укрытие. Но было уже поздно: на них сыпались противотанковые бомбы, «эрэсы». Вот задымил один «тигр», потом другой... Взрывом сорвало башню третьему.

Летчики видели, как ринулись вперед наши танки. Заложив вираж, «илы» пронеслись над «тридцатьчетверками», затем развернулись в обратную сторону, к родному аэродрому.

Экзамен на зрелость

После битвы за Днепр летчики корпуса оказали неоценимую помощь армиям генералов М. С. Шумилова, А. С. Жадова и П. А. Ротмистрова, которые освобождали Кировоград. Корпус получил почетное наименование Кировоградский.

В конце января 1944 года в районе Корсунь-Шевченковского оказались окруженными более 80 тысяч солдат и офицеров врага. Командующий фронтом поставил перед Рязановым задачу — уничтожать танки окруженных фашистских войск. Выполнение боевой задачи осложнялось нелетной погодой. Но, несмотря на это, летчики корпуса наносили врагу весьма ощутимый урон. Так, 31 января штурмовики нанесли удары по колонне танков и автомашин, подходившей к населенному пункту Шпола. На следующий день капитан Красота вместе со старшим лейтенантом Михайличенко обнаружили до 70 танков, выдвигавшихся к Шполе с юга. Атаковали головную часть колонны и застопорили ее движение. После этого в течение всего дня корпус наносил удары по танкам противника.

В начале февраля, в разгар Корсунь-Шевченковского сражения, корпус стал гвардейским. Не успел Василий Георгиевич ответить на многочисленные поздравления, как московское радио сообщило о присвоении ему звания Героя Советского Союза. Опять хлынул поток телеграмм... Командующий 5-й гвардейской танковой армией генерал-полковник П. А. Ротмистров писал: «В боях 1943-1944 гг. под Белгородом, Харьковом, Пятихаткой, Кировоградом сложились боевое взаимодействие и фронтовая дружба гордых соколов нашей Родины и танкистов. Благодарю за большую помощь, оказанную вашими частями танкистам в выполнении боевых приказов...»

Василий Георгиевич в эти дни побывал в 142-м гвардейском штурмовом полку майора Матикова. Летчики этой части отличились в боях за правобережную Украину. Командир корпуса прикрепил к выгоревшим гимнастеркам асов награды, поздравил их с вступлением в партию. Прибывший с ним полковник Беляков вручал партийные документы летчикам и воздушным стрелкам прямо здесь, на летном поле, как только экипажи, возвращаясь с боевого задания, заруливали на стоянку. Иван Семенович признавал только такую форму вручения партбилетов. Это стало в корпусе традицией.

Василий Георгиевич в который уже раз заночевал у танкистов. Он привык к кочевой жизни. Да и, сказать откровенно,

двадцать три года в армии не шутка. А когда был старшим инспектором летной подготовки управления ВВС Красной Армии, и вовсе дома ночевать не приходилось.

Вчера он приехал к танкистам поздно. С ним шофер, адъютант и радист. Не первый раз сопровождала эта неразлучная тройка своего генерала. Только вот в эту поездку не повезло радисту: уже перед отъездом — приступ аппендицита. Самая гражданская болезнь, на войне о ней и думать забыли. И вот на тебе, напомнила о себе. Пришлось радиста на операцию в санбат отправить. Вместо него прислали другого, из роты связи. Всем хорош парень, да вот беда — малость нерасторопен. «Впрочем, обомнется», — решил Василий Георгиевич.

Дом, где расположился командующий 3-й гвардейской танковой армией Павел Семенович Рыбалко, нашли быстро. Уже опускались летние сумерки, когда «виллис» резко затормозил у небольшой хаты, спрятавшейся в тени старого вяза.

— Всем оставаться в машине, — сказал Рязанов спутникам и, легко взбежав на крыльцо, рывком открыл дверь. В небольшой комнатке за столом сидел капитан и что-то сосредоточенно писал. Увидев на плечах вошедшего генеральские погоны, он вскочил.

— Командир первого штурмового корпуса. Генерал у себя? Доложите!

Капитан вернулся через несколько секунд:

— Вас ждут.

Прихрамывая, из-за стола поднялся невысокий, плотно сбитый мужчина. Это и был генерал Рыбалко.

— Ну, здравствуй, Василий Георгиевич. Давненько не виделись. Хотя, где с вами, летунами, встретишься! Вы все в небесах, а мы тут землю утюжим, от нее, матушки, не отрываемся...

Василию Георгиевичу нравился этот простоватый на вид, гостеприимный и приветливый человек. Пусть встречаться генералам приходилось не часто, но они симпатизировали друг другу. Внешне были совсем не похожи. Случалось, окружающие улыбались, видя стоящих рядом стройного, с гибкой фигурой, щеголеватого авиатора и невысокого, плотного крепыша — танкиста.

Не первый раз штурмовики Рязанова прокладывали дорогу танкистам, работая с ними в тесном взаимодействии. А бывало, и танкисты выручали своих авиаторов.

— Так что тебя привело ко мне в гости? Давай признавайся. Мы, танкисты, народ гостеприимный, чем можем — поможем.

Василий Георгиевич тряхнул головой:

— Угадал, товарищ командарм. С просьбой я сегодня, и с великой. Хозяйство у меня большое, летают мои хлопцы быстро. Вот и надумал я свой передвижной командный пункт поближе к фронту перевести, к самой передовой. Снизу-то мне все видать — помочь ли кому, об опасности ли предупредить. Так что здесь и командный пункт, и станция наведения одновременно.

— Все это ясно, одного только не пойму: что тебе от нас, танкистов, надо?

— Завтра корпус опять работать будет. Вот и хочу поближе к передовой пробраться. А у меня только «виллис». Заметит фашист, ударит — и машину загублю, и людей. А в окопе сидеть — обзор на этой местности не тот... Вот и прошу, подари мне на один день танк. С водителем, конечно. Тесновато будет, зато удобства: и вижу все, и передвигаться могу. Опять же, в случае чего, за броню спрятаться можно. А если слишком уж нахальничать будут, так отобьюсь: и пушка, и пулемет под боком. Так как, генерал, дашь на завтра мне какой-нибудь безработный танк?

— Да, хитро ты задумал, Василий Георгиевич. Только где я тебе возьму безработный танк? — огорченно развел руками Рыбалко. — Хотя постой, постой... Пожалуй, выручу. Остался тут у меня один, «Валя-Таня», его танкисты так называют. Из Англии по ленд-лизу получили. Было их два десятка, остался один: горят, окаянные. Да и скоростишка у «валентайна» небольшая — тридцати даже не дает. А для твоего дела в самый раз: броня есть, пушка тоже. С немецкими танками ты в нем сражаться не собираешься, а от пуль и осколков защита надежная...

Вот такой разговор произошел поздно вечером.

Рязанов быстро поднялся. Привычно сделав несколько гимнастических упражнений, вышел во двор. Ведро с холодной родниковой водой стояло на табурете.

— Вам полить, товарищ генерал? — адъютант уже зачерпнул полный ковш.

— Давай, Саша.

Вода быстро согнала остатки сонливости.

Едва Василий Георгиевич закончил завтракать, как под окном загрохотал двигатель и у хаты остановился танк. Он был какой-то необычный. Корпус его слегка напоминал наш БТ-7, но гусеницы были намного уже, да и весь танк казался чужим.

С лязгом откинулась крышка люка, и из башни выпрыгнул невысокий танкист в запачканном соляркой комбинезоне. Не доходя трех шагов, он бросил руку к шлему:

— Товарищ генерал! Танк для выполнения специального задания прибыл. Докладывает лейтенант Селезнев.

— Что же, лейтенант, принимай гостей — меня да радиста. Поместимся в твоей коробочке?

Танкист внимательно взглянул на высокую фигуру генерала, на солдата, из-за спины которого тонким прутиком торчала антенна:

— Удобств больших не обещаю, но поместиться должны.

— Тогда по машинам...

Первым нырнул в люк танкист, повозился там немного и появился вновь. В руках у него был шлемофон.

— Надевайте, товарищ генерал. А то без привычки в фуражке опасно. Тряхнет как следует — приложитесь к броне.

Василий Георгиевич снял фуражку, натянул танковый шлем. Едва генерал и радист сели в танк, как взревел мотор, и, покачиваясь на неровностях дороги, боевая машина двинулась по направлению к передовой. Рязанов с любопытством осматривался в тесной бронированной коробке, внимательно наблюдая за скупыми, уверенными движениями механика-водителя.

— Слушай, лейтенант, а машина у тебя вроде ничего?

— Что вы, товарищ генерал! Она нашей «тридцатьчетверке» и в подметки не годится: проходимость маленькая, из пушки только по воробьям стрелять: калибр всего сорок миллиметров. Нет, кажется, последние дни я с ней мучаюсь. Скоро получу свой родной Т-34. Вот на нем и повоюем, а не на этом катафалке.

Мотор ревел в полную силу, а скорость едва перевалила за 20 километров. Солнце только-только поднялось над горизонтом и не успело накалить броню танка. Проскочив небольшой лесок, остановились на опушке.

— Все, товарищ генерал, дальше нельзя. До «передка» всего метров двести осталось.

— Добро. Давай у этого куста затормозим. Отсюда передний край как на ладони. И небо просматривается до самого горизонта...

Наклонившись к радисту, генерал приказал:

— Разворачивай рацию, да побыстрее!

Когда в небе появились первые «илы», все было готово. Рязанов внимательно наблюдал за обстановкой в воздухе и на земле. Он не случайно выбрал эту позицию: здесь пехота при поддержке танкового батальона должна была сегодня ровно в одиннадцать провести разведку боем. Накануне Рыбалко просил штурмовиков немного обработать вражеские позиции.

Когда показалась девятка «илов», Василий Георгиевич уверенно взял в руки микрофон:

— «Горбатые», «горбатые»! Я — «Грач», пройдитесь по высоте восточнее развалин.

Он с удовольствием наблюдал, как штурмовики на бреющем высыпали бомбовый груз на головы врага. Высота вспухла черными разрывами.

— Я — «Грач»! Неплохо, а теперь еще разок.

Снова один за другим ныряли к земле самолеты. Огненные струи реактивных снарядов прочерчивались от их крыльев, и вновь высоко взметывалась земля.

Генерал видел, как из траншей стали выскакивать наши пехотинцы. Почти в ту же минуту их обогнали «тридцатьчетверки». Они направились туда, где только что гремели взрывы. Но враг уже пришел в себя. Все чаще рвались снаряды в цепи наступающих. Генерал сжал микрофон:

— «Горбатые»! Я — «Грач». Еще раз пройдитесь.

И снова, в третий раз, девятка «илов» снизилась к земле, поливая позиции врага из пушек и пулеметов. Бой разгорелся с новой силой.

....Шестерка «илов», которую вел командир эскадрильи Пошивальников, возвращалась домой. Молодые летчики аккуратно держали строй. Воздушные стрелки внимательно следили за небом. Оно было чистое. «Видно, немцы еще кофе пьют, — подумал Пошивальников. — Ну да это к лучшему. А мы их немного все же пощипали».

И улыбнулся, вспомнив недавнее.

...Поезд, который предстояло штурмовать, двигался медленно. Впереди размеренно попыхивал паровоз. «Цель как раз для новичков», — подумал Пошивальников, глядя вниз. Один за другим пронеслись штурмовики над составом, сбросили бомбы. Но опытный машинист резко затормозил, и разрывы испятнали железнодорожную насыпь далеко впереди поезда. А тут еще с платформы по самолетам ударила скорострельная зенитная установка «эрликон».

«Только этого не хватало. Еще собьет кого-нибудь из молодых», — испугался Пошивальников. Он бросил самолет вниз и нажал на гашетки. «Эрэсы» разорвались почти у самой платформы, и «эрликон» замолчал. Со второго захода одному из новичков удалось все-таки накрыть паровоз. Тот мгновенно окутался паром. Ну а разбомбить неподвижный состав — дело простое. Он, видно, был нагружен боеприпасами, потому что горел и взрывался так, что комэск всерьез забеспокоился, как бы у кого-нибудь из молодых летчиков взрывная волна не перевернула самолет...

Сейчас все страхи были позади. «Илы» возвращались домой. Пересекая линию фронта, Пошивальников по привычке посмотрел вниз. На земле шел бой: чернели взрывы, по изрытому полю

ползали танки.

«А это что еще за птица?» — Комэск увидел на опушке неподвижный танк. Яркие лучи солнца освещали его, бросая на землю большую тень. «Кажется, фашист замаскировался? Ясно, танк не наш, это не «тридцатьчетверка», не КВ. А уж на Т-60 или Т-70 и вовсе не похож. Замаскировался, подлец, у самой передовой. В засаде, наверное, да только тень выдала. Ну ладно...»

Эти мысли почти мгновенно пронеслись в голове ведущего. И он развернул штурмовик. За ним, строго держа равнение, повернули и ведомые.

— Атака!

Наземный бой увлек Василия Георгиевича.

— Молодцы, «горбатые»! — похвалил он.

Но тут его кто-то осторожно тронул за сапог. Генерал наклонился в люк и встретился с растерянным взглядом радиста.

— Товарищ генерал, рация отказала... То есть не совсем отказала — приемник работает, а передатчик забарахлил, может, отпаялось что или конденсатор пробило.

— Черт возьми! — не сдержался Рязанов. — В такой момент...

Высунувшись из башенного люка, он вновь посмотрел на небо. И то, что увидел, его не обрадовало: пролетавшая минуту назад шестерка штурмовиков развернулась и вслед за ведущим ринулась на его танк.

Генерал мгновенно захлопнул люк:

— Заводи!

Но было уже поздно. Застучали авиационные пушки, осколки снарядов ударили по броне. Страха не было. Была только одна мысль: «Надо же, как глупо все получилось!»

Наконец механик-водитель завел двигатель, и танк, петляя, помчался по лесной дороге. И только когда он нырнул в овраг, генерал перевел дух...

Шестерка штурмовиков благополучно приземлилась на своем аэродроме. Летчики и стрелки вылезали из кабин, бросали на землю парашюты и ложились на них. Первый боевой вылет их утомил. Техники и оружейники занялись своими делами. Но отдыхать летчикам не пришлось: к стоянке самолетов подходил командир полка... Выслушав рапорт и поздравив молодых пилотов с первым боевым вылетом, он затем отвел в сторону командира эскадрильи:

— Ну как «птенцы»?

— Кажется, все нормально. Правда, летают еще только по-учебному, как в аэроклубе, но это ничего. А вот стреляют неважно... На обратном пути фашистский танк заметили.

Штурмовали — и ни одного попадания. Правда, ни бомб, ни «эрэсов» у нас не было, все израсходовали. В общем, опыта у ребят нет, но это дело наживное. Будут еще настоящими штурмовиками.

— Товарищ командир полка! — от командного пункта бежал дежурный по полетам. — Срочно к телефону, генерал вызывает.

Разговор был коротким. Генерал задал всего один вопрос:

— Кто водил сегодня шестерку?

И когда получил ответ, приказал ведущему группы немедленно прибыть в штаб корпуса.

— Что-то генерал вроде сердит. Ты ничего не натворил? — спросил командир полка у комэска.

— Да нет, кажется...

— Ну нет, так нет. Собирайся. Велел — срочно!

Василий Георгиевич большими шагами мерял земляной пол хаты из угла в угол. Он только что вернулся от танкистов. И конечно, был не в духе от недавнего происшествия.

— Ну штурмовики, ну штурмовики! Своего генерала чуть не угробили.

Заглянул адъютант:

— Товарищ генерал! Прибыл...

— Давай его сюда... Это ты, Степан, сегодня водил шестерку? — глядя на вошедшего летчика, спросил Василий Георгиевич.

— Так точно!

— Танк, что на опушке стоял, вы штурмовали?

— Так точно! — командир эскадрильи наклонил голову.

— Ну то, что эту «Валю-Таню» английского производства с немецким танком спутал, ладно, простительно. А вот как вы стреляли! Это же не штурмовка, а горе одно! В неподвижный танк не попасть, надо же! Что же вы позорите меня! Уж лучше бы ранили, и то бы не было так обидно. Передай командиру полка: от боевых вылетов отстранить всю шестерку.

И, увидев, как дрогнули плечи летчика, добавил:

— По три полета в день — на полигон. Штурмуйте цель из фотопулеметов. И так, пока не научитесь. Через неделю буду в полку — проверю. Все, можешь идти.

...В полк комэск добрался уже далеко за полночь. Узнав у часового, что командир части еще не ложился спать, осторожно постучал в дверь.

— Это кто такой скромный? Заходи. Ну так зачем тебя генерал вызывал? Что? Его танк штурмовали!.. — Командир полка вскочил, ударился головой о потолочную балку землянки и вновь опустился на табурет, потирая ладонью ушибленную макушку. — Неделю — на полигон?.. Повезло тебе, друг. За такие

дела можно совсем с авиацией распрощаться да в штрафном батальоне грехи отмаливать... В общем, сделал подарочек. А еще асом считаешься...

Закончив одно из штабных совещаний, генерал Рязанов попросил остаться своего заместителя по политической части полковника Белякова.

— Иван Семенович, в этой каждодневной сутолоке все забываю спросить — как у нас с приемом в партию комэсков, командиров звеньев, лучших летчиков, воздушных стрелков, механиков?

— Вполне нормально, Василий Георгиевич. Лучшим в партию у нас, как говорится, зеленая улица. В сорок третьем, например, мы приняли Шубина, Одинцова, Бегельдинова из сто сорок четвертого полка...

— Знаю, знаю, — перебил Рязанов. — Старший лейтенант Борис Шубин погиб коммунистом. Я просто думаю, что лучшие гвардейцы не могут сейчас не быть коммунистами. Это очень важно. Гвардеец — он и есть гвардеец!

— Через несколько дней, — сообщил Беляков, — будем принимать в партию Андрианова и Столярова из сто сорок первого. Готовятся к вступлению Драченко и Полукаров из сто сорокового...

— Я заметил, Иван Семенович, что число заявлений с просьбой принять в партию возрастает в период подготовки к наступательным операциям и в ходе боев.

— Это же замечательно, Василий Георгиевич. В ходе Белгородско-Харьковской операции в партию принято двести пятьдесят три человека, во время битвы за Днепр — двести восемнадцать, под Корсунь-Шевченковским — сто тридцать два...

— Дело, комиссар... Значит, снайперы-волжане Василий Андрианов и Николай Столяров скоро станут коммунистами?

— Да.

— У меня к этим двоим, — Василий Георгиевич широко улыбнулся, — особое чувство. Сейчас мастера атак в корпусе растут с каждым днем. Но среди лучших есть наилучшие, не так ли? Каков же должен быть критерий отбора? Как оценивать? Тут по количеству боевых вылетов и разбитых объектов уже нельзя.

— Полностью согласен с вами, Василий Георгиевич, думаю, что оценивать боевую работу летчиков надо еще по двум показателям: по точности удара и числу собственных потерь.

— Вот-вот, — одобрил Рязанов. — Оценивать и по качественному показателю?

— Конечно!

— Именно за это я и ценю Столярова и Андрианова. Ведь что

ни вылет у моего тезки, тверского богатыря Андрианова, то удача. Все указанные объекты поражены, возвращается без потерь. А Столяров — тот в любую минуту, когда ни прикажешь, днем ли, ночью ли, обязательно поразит цель... Что ни говори, полковник, но ведь это же самый высокий класс штурмовки. Как раз то, чего мы с тобой так упорно добиваемся, к чему постоянно стремимся.

...Комэсков вызвал командир 141-го гвардейского штурмового авиаполка подполковник Рымшин.

— Только что звонил генерал Рязанов. Вам, Андрианов, Столяров и Михайличенко, приказано прибыть в штаб корпуса.

Все трое переглянулись, а Рымшин продолжал:

— Сообщаю только вам: через несколько часов начнется наступление на Львов.

— А как же погода? — вырвалось у Михайличенко.

— На войне, знаете ли, возникают такие положения, когда приходится пренебрегать погодой. Прихватите с собой плащ-палатки и шагом марш в мою машину. Генерал лично будет вас инструктировать.

На рассвете 14 июля 1944 года после мощной артиллерийской подготовки и совместного массированного удара штурмовиков и бомбардировщиков войска 1-го Украинского фронта перешли в наступление на Львовском направлении.

За несколько дней до штурма воздушные разведчики доложили командованию фронта о том, что немцы создали на Львовском направлении довольно прочную оборону.

Прорыв наших армий был сложным и трудным. К исходу дня они смогли продвинуться лишь на 3-8 километров. С утра 15 июля немецкое командование, создав ударную группировку из двух танковых дивизий, начало наносить массированные контрудары. Врагу удалось на некоторых участках потеснить части 38-й армии. Во второй половине дня маршал Конев позвонил командующему 2-й воздушной армией генерал-полковнику Красовскому:

— Без вашей помощи, Степан Акимович, войскам Москаленко обороняться трудно. Приказываю поднять в воздух бомбардировщиков и штурмовиков. Передайте Рязанову, для его корпуса снова наступают горячие часы...

Василий Георгиевич, несмотря на ненастье, ждал приказа командарма на вылет своих летчиков. Он уже кое-что предпринял для этого: лично подобрал группы, назначив в них самых опытных летчиков, составил график вылетов, проинструктировал ведущих.

Небо заволокло тучами. Моросил надоедливый дождь, и немецкие танки, не опасаясь советской авиации, разворачивались для нанесения очередного удара по окопавшейся пехоте.

Появление штурмовиков было для них полной неожиданностью. Шестерка «илов», уверенно нырнув в облака, сделала «горку» и обрушилась на танки. Первый удар оказался снайперским: шесть дымных столбов поднялись в небо. Сделав еще четыре захода, «илы» уступили место следующей шестерке...

Гитлеровцы, опомнившись, подтянули к передовым позициям зенитную артиллерию, но штурмовики, маневрируя, смело прорывались сквозь шапки разрывов, забрасывали танки бомбами и уходили в облачность, для того чтобы подготовить новую атаку. К исходу дня наступление врага удалось приостановить. Пришло время вводить в бой наши резервы.

Утром 16 июля командующий 3-й гвардейской танковой армией генерал-полковник Рыбалко отдал своим корпусам приказ о наступлении.

В эту ночь Василий Георгиевич не сомкнул глаз. Он, Рыбалко и командующий 60-й армией генерал-полковник Курочкин во всех деталях обсудили план смелой операции. Дело в том, что 15 июля пехотинцы Курочкина близ местечка Колтув прорвали оборону немцев на глубину 18 километров. Образовался своеобразный коридор шириной 4-6 километров. Вот в этот коридор, с согласия маршала Конева, Павел Семенович Рыбалко и решил под прикрытием штурмовиков Рязанова ввести свои танки.

Ночью офицеры оперативного отдела корпуса под непрекращающимся дождем на По-2 улетели в район прорыва. Василий Георгиевич внимательно рассматривал карту, когда в кабинет вошел капитан Крассий.

— Товарищ генерал, у деревни Нуще есть удачная высотка. С нее просматривается весь коридор.

— Сейчас же отправьте туда две рации и замаскируйте.

Прибыв ночью на НП, Василий Георгиевич осмотрел место и остался доволен. С помощью основной рации он намеревался управлять штурмовиками, через другую, запасную, — держать связь со своим штабом.

Блиндаж надежно маскировался мелким березнячком. Сразу же от него начинался склон, внизу рос сосняк, тянувшийся вплоть до проселочной дороги.

Не первый раз забирался Рязанов под бок к фашистам со своей радиостанцией, не первый раз засекали его вражеские корректировщики. Но фронтовая судьба была милостива к нему.

На следующий день начальник штаба доложил по телефону, что танки Рыбалко вот-вот начнут маневр.

— Дайте команду на взлет эскадрилье Столярова, — сказал Рязанов.

В стереотрубу он видел, как «тридцатьчетверки» одна за

другой устремились к единственной в этих местах дороге. На фланге засверкали сполохи: немцы начали обстреливать танки из пушек. Генерал, увидев в небе группу штурмовиков, поднес микрофон к губам:

— Я — «Грач»! Столяров, ты слышишь меня? Слева от головного танка, в кустах, три артиллерийские батареи. Их подавить в первую очередь. Гвардейцы, в атаку!

Столяров направил свою эскадрилью на указанные цели. Бомбы сыпались прямо на головы гитлеровских пушкарей. С первого захода замолчали два орудия...

Комэск быстро сориентировался на местности. Он приметил, что немцы не только слева, но и справа от дороги. А по проселку вперед мчались наши танки. Одна из «тридцатьчетверок» уже горела. И вдруг Столяров обнаружил в кустах еще две вражеские пушки. Все внимание ведущего было направлено на вспышки орудий, стрелявших по танкам. Еще минута, и Столяров поймал орудие в прицел. Выходя из пике, успел увидеть, что разбитая пушка лежит вверх колесами.

...Снова и снова штурмовики проносились над самой землей, поражая цели, указанные генералом Рязановым. Третий заход... Четвертый... Пятый... Уже двадцать минут эскадрилья на огневом рубеже, а Столяров опять увлекал в атаку своих ведомых. Стремительный бег земли утомлял глаза. Выручали безошибочный расчет, выдержка и хладнокровие. Летчики эскадрильи били по огневым точкам и пехоте врага из пушек и пулеметов. Эскадрилья не должна уходить из района боя до тех пор, пока не пришла смена. Таков приказ генерала Рязанова.

И вот показалась новая группа «илов».

— Столяров! Объявляю тебе и твоим летчикам благодарность. Ударили отлично, — послышался в шлемофоне бодрый голос генерала.

Опытные летчики 9-й гвардейской штурмовой авиационной дивизии генерала Агальцова, мастера штурмовых ударов, по нескольку раз в день вылетали в район колтувского коридора.

...Гитлеровцы бросили в сражение новые части. Напряжение боя еще более возросло. Но генерал Рязанов продолжал наращивать мощь штурмового удара, поднимая в воздух новые группы «летающих танков».

— Товарищ генерал, «рама»! — встревожено крикнул капитан Крассий, показывая на самолет-корректировщик ФВ-189, повисший над лесом.

Рязанов потянулся к телефонной трубке.

— Поднимите «маленьких», — коротко отдал он приказ генерал-майору Парвову.

А взрывы вражеских снарядов уже заухали на склоне, выворачивая с корнем деревья, вздымая в воздух груды земли... И вдруг все смолкло. Василий Георгиевич глянул вверх. «Рама» беспорядочно падала, оставляя дымный след. В небе были наши «ястребки».

Танки Рыбалко, поддерживаемые летчиками 1-го гвардейского штурмового авиакорпуса, беспрепятственно шли по узкому колтувскому коридору в тыл гитлеровцам. Вслед за 3-й танковой в прорыв была введена 4-я танковая армия генерала Лелюшенко Фашисты опасаясь окружения, начали отходить, но поздно. Бродская мышеловка захлопнулась.

Танковые армии, выйдя на оперативный простор, обошли Львов с флангов... Потом, спустя годы военные историки запишут: «Ввод в сражение двух танковых армий в такой узкой полосе при одновременном отражении сильных контратак противника на флангах является единственным примером в истории Великой Отечественной войны. Он свидетельствует о высоком искусстве советских генералов и офицеров, об их железной воле, их умении добиваться поставленной цели в самой сложной обстановке».

За образцовое выполнение заданий командования во время Львовской операции корпус был награжден орденом Красного Знамени, а грудь его командира украсил орден Богдана Хмельницкого I степени.

В чужом небе

Заканчивался второй месяц лета. На Львовщине стояли туманы. Небо затянуло тучами. Часто шли дожди. В окно двухэтажного каменного особняка, где разместился штаб корпуса, при порывах ветра надоедливо стучала ветка граба. Метеорологи предвещали несколько дней нелетной погоды, и Рязанов, воспользовавшись этим, решил собрать командиров и ведущих групп на очередную военно-тактическую конференцию.

Но поздним вечером 30 июля его вызвал Конев. «Что-то случилось, — подумал Василий Георгиевич. — Командующий по пустякам тревожить не станет».

Пришлось от «виллиса» отказаться и залезть в бронеавтомобиль: в лесах прятались бандеровцы. Вскоре Рязанов входил в приземистую хату. Маршал прохаживался по горнице, то и дело поглядывая на расстеленную на столе карту. Он был без кителя, в одной рубашке, галифе вправлены в толстые шерстяные носки ручной вязки.

— Значит, прибыл, — оглянувшись, удовлетворенно сказал Конев. — Войска Пухова только что форсировали Вислу. Уже несколько полков переправились на плацдарм у Сандомира. Это ворота в Польшу. Не исключено, что на рассвете противник постарается столкнуть нас в реку. Надо твоему корпусу прикрыть окапывающиеся войска.

Прямо из штаба фронта Рязанов приказал Парвову срочно доставить радиостанцию в штаб 13-й армии на правый берег Вислы.

Когда он добрался до переднего края, над сумрачной рекой брезжил рассвет. Дождь давно перестал, и в разрывах облаков проглядывало небо.

В эти утренние часы немцы двинули танки на неуспевшую окопаться пехоту.

— «Ожерелье-1», я — «Ожерелье-2». Держу курс на вас. — Рязанов услышал хорошо знакомый голос Героя Советского Союза Николая Столярова, одного из асов корпуса.

— «Ожерелье-2». На подходе к плацдарму танки. Приказываю уничтожить!

— Вас понял. Цель вижу.

Первая девятка «илов» обрушилась на выползшие из укрытий фашистские машины. Четыре захода — и танки остановлены. А автоматчики, скрывавшиеся за стальными коробками, были уничтожены кинжальным огнем пулеметов и пушек «ильюшиных».

Но вскоре «тигры» вновь двинулись вперед. Рязанов приказал поднять в воздух еще 18 «илов».

— «Ожерелье-1», я — «Ожерелье-3». Иду на смену «Ожерелью-2». — Над станцией наведения шла группа Героя Советского Союза Василия Андрианова.

Глядя в бинокль на разгорающийся бой, генерал был спокоен. Он знал, что «ильюшины» не подкачают...

В течение всего дня корпус Рязанова помогал пехоте отбивать яростные атаки гитлеровцев. Немцы послали на перехват штурмовиков более двух десятков «мессершмиттов» и «фокке-вульфов», но истребители прикрытия из дивизии Баранчука накрепко связали их боем и не позволили приблизиться к «илам».

Первые танковые атаки противника были отбиты. Под прикрытием авиации пехоте удалось расширить плацдарм. Однако ожесточенные бои на западном берегу Вислы нарастали с каждым днем. Сдерживать натиск врага стало труднее, и маршал Конев решил создать авиационный кулак из нескольких корпусов. Собрав в штабе фронта командиров, он изложил им свой план.

— Противник поставил на карту все, лишь бы сбросить нас в реку, — сказал Конев. — Он пытается парализовать переправы. Режет плацдарм с флангов у самого основания, бьет в лоб танками. Словом, лезет напролом. Военный совет фронта решил создать ударную группу из четырех авиационных корпусов под командованием гвардии генерал-лейтенанта авиации Рязанова.

Здесь же, в штабе фронта, Василий Георгиевич определил задачи каждому авиасоединению. Сообща были найдены месторасположения трех командных пунктов.

17 августа противник усилил нажим на нашу пехоту в районе Стопницы. На одном из участков его танки, смяв боевые порядки 5-й гвардейской армии, стремительно стали приближаться к КП генерала Жадова. Когда Рязанов заметил это, он немедленно перенацелил находящуюся в воздухе группу штурмовиков... «Илы» ринулись на гитлеровские танки. После первой же атаки задымили две машины, затем еще три. Уцелевшие повернули назад. Наблюдавший за действиями «илов» генерал Жадов объявил летчикам благодарность, а ведущего группы Алексея Компанейца наградил часами.

Утром Василий Георгиевич приказал 155-му и 140-му гвардейским штурмовым авиаполкам нанести удар по танкам, выдвигавшимся в район Кобеляны и Сташув. Девятки «илов», пересекая Вислу, брали курс на северо-запад, туда, где стояла сплошная стена дыма. Противник встречал наши самолеты ожесточенным огнем зениток.

В одном из вылетов группу вел заместитель командира 8-й

гвардейской дивизии Герой Советского Союза полковник Володин. При втором заходе на цель «илы» попали под сильный заградительный огонь.

— Рассредоточиться! Выполняем противозенитный маневр, — скомандовал Володин ведомым.

«Илы» тотчас выполнили команду, но ведущий почувствовал, что его машина дважды сильно дрогнула. «Подбит», — понял он.

Самолет начал валиться вправо. «Никак оба снаряда в меня шарахнули», — подумал Володин и, передав командование группой заместителю, стал разворачиваться в сторону наших позиций. Переднее бронестекло забрызгало маслом, и пришлось ориентироваться через боковые форточки. Двигатель, хотя и с перебоями, но работал. А потом стал захлебываться... Штурмовик резко пошел на снижение. Вражеские зенитчики прекратили огонь, считая, по-видимому, что с самолетом все кончено. Но в последнюю минуту мотор «ила» вдруг снова заработал. Он окончательно заглох, когда показалась линия наших траншей. Не выпуская шасси, Володин посадил штурмовик на брюхо и, откинув фонарь, поспешно вынул из кобуры пистолет.

— Товарищ полковник, — послышался радостный голос воздушного стрелка Яковлева. — У своих мы. Прямо к артиллеристам угодили.

Рязанов, узнав, что Володин благополучно приземлился, повеселел. Но его радость была омрачена в эти тяжелые дни невосполнимыми потерями.

...В середине дня по приказу командира корпуса в воздух поднялась девятка «илов» под командованием Героя Советского Союза Николая Евсюкова. В ее составе летели бывалые пилоты: Евгений Алехнович, Николай Пушкин, Иван Драченко и другие. Группу прикрывала четверка истребителей Як-1 во главе с Героем Советского Союза Николаем Буряком. Истребители шли выше штурмовиков. Полет к цели протекал спокойно, но последовал приказ Рязанова изменить курс. Ведя группу, Евсюков пересчитал ведомых и обнаружил в боевом порядке группы десятый штурмовик. Кок его винта был выкрашен в красный цвет. Включив рацию, ведущий запросил:

— «Горбатый» с красным носом, чей ты?

Ответа не последовало, но штурмовик продолжал лететь с группой. «Наверное, новичок, — подумал Евсюков, — оторвался от своих. Пусть летит вместе с нами».

— Внимание, «горбатые»! Приготовиться к перестроению.

Группа пошла на цель. После нескольких заходов загорелось семь вражеских танков. Фашистская пехота, лишившись броневого прикрытия, залегла. Искореженные бронированные

корпуса машин, сорванные башни, смрад горящего железа — вот что оставили после себя штурмовики. На седьмом заходе незнакомец — десятый «ил», не обращая внимания на тянувшиеся с земли трассы «эрликонов», нацелился на танк, который, делая резкие повороты, мчался вперед и беспрерывно обстреливал наши позиции.

— «Горбатый» с красным носом, берегись! — предупредил незнакомца Евсюков.

Но предупреждение опоздало: штурмовик словно наткнулся на зенитную трассу и врезался в скопление танков и бронетранспортеров. На месте падения возник огромный столб огня.

Доложив Рязанову по радио о выполнении задания и гибели незнакомого штурмовика, Евсюков получил разрешение на возвращение домой.

— Эх Фетисов, Фетисов, — ведущий услышал в наушниках взволнованный голос Рязанова. И тут же послышался щелчок выключаемого микрофона.

Отрулив самолет на стоянку, Евсюков узнал от дежурного по полетам, что «ил» с красным носом принадлежал новому командиру 8-й гвардейской штурмовой авиадивизии подполковнику А. С. Фетисову. Тот хотел лично уточнить обстановку на поле боя и незаметно проконтролировать действия штурмовиков.

Собрав накоротке командиров дивизий и полков, Рязанов сказал:

— Я далек от мысли запрещать вам лично участвовать в боях. Но учтите, риск должен быть оправданным и разумным.

В эти тревожные дни к армейским разведчикам попал приказ Гитлера, который гласил: «Настал решающий час войны. Мы не можем позволить русским наступать дальше. Потеря Кольце означала бы утрату важнейшего опорного пункта на подступах к Восточной Германии... Приказываю: группе армий «Северная Украина» ликвидировать русские плацдармы в районах Баранув и Магнушев».

Фашистское командование стремилось во что бы то ни стало выполнить приказ фюрера. В августе на одном из участков фронта гитлеровцы предприняли еще одну отчаянную попытку сбросить с плацдарма наши войска. Наступление начали одновременно шесть танковых групп, в составе которых были новые бронированные машины — «королевские тигры». О сосредоточении этих ударных сил воздушные разведчики доложили заранее, и Рязанов подготовил своеобразный сюрприз врагу. В дни короткого затишья командование корпуса

разработало план нанесения массированного штурмового удара по броневому кулаку фашистов. И вот в небо поднялись 108 штурмовиков и 24 истребителя. Объединенную группу возглавлял командир 155-го гвардейского штурмового авиаполка подполковник Чернецов.

Самолеты выстроились в кильватерную колонну. Маршрут полета пролегал над КП командира корпуса, находившимся в непосредственной близости от линии фронта. Чернецов доложил по радио Рязанову о подходе группы и тут же услышал:

— Ваша цель — атакующие танки.

Ведущий первой трупы штурмовиков сбросил дымовые бомбы, и летчики по этой команде начали атаку. От разрывов бомб и «эрэсов» дыбилась земля, яркими кострами вспыхивали автомашины, густым серым дымом чадили «королевские тигры»... В результате массированного удара было сожжено 20 танков, 6 бронетранспортеров и более 30 автомашин с пехотой.

После атаки «илов» на полчаса оказалась парализованной система вражеского огня. Этим тотчас же воспользовались войска 60-й армии, которые контратаковали фашистов и отбросили их от плацдарма.

Весь август авиационная группа Рязанова сдерживала ожесточенные контрудары фашистов. Позднее командующий 1-м Украинским фронтом маршал Конев скажет, что «Сандомирский плацдарм отстояла авиация».

Осенью бои на плацдарме заметно утихли. Немцы, потеряв значительное число танков и самолетов, убедились в бесполезности контратак.

В октябре Василий Георгиевич пережил еще одну тяжелую утрату: погиб Герой Советского Союза гвардии майор Степан Демьянович Пошивальников. А произошло это так.

Талгату Бегельдинову вручали орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза. После торжественной части Пошивальников решительно сказал:

— Ну дружище, теперь моя очередь подменять тебя.

Месяц назад, когда Пошивальникову также вручали знаки отличия Героя Советского Союза, Талгат ушел вместо комэска в боевой полет.

И вот, разметав колонну вражеских бронетранспортеров, 12 «илов» легли на обратный курс. Но тут на самолете ведущего возник пожар. Скользнув на крыло, машина врезалась в землю... Видимо, Пошивальников во время боя был смертельно ранен.

Бегельдинов, узнав о гибели своего друга и учителя, упал на траву и зарыдал.

Бои за расширение Сандомирского плацдарма продолжались

до января 1945 года. И все это время Рязанов неизменно находился на передовой.

Первая декада января была особенно напряженной для корпуса. На штурмовку наземных целей авиаторы почти не летали, однако разведкой занимались ежедневно. Командующий 1-м Украинским фронтом требовал: «Я должен знать расположение резервов противника. О малейшем передвижении сразу же докладывайте мне или начальнику штаба».

Погода стояла отвратительная. Почти круглосуточно шел мокрый снег, и солдаты батальонов аэродромного обслуживания не выпускали из рук лопат, расчищая взлетно-посадочные полосы. Прибавилось забот в эти дни и работникам наземных служб. Пользуясь коротким затишьем, одни завозили боеприпасы и горючее, другие еще и еще раз проверяли моторы и вооружение самолетов, третьи занимались починкой обмундирования. И все дружно кляли затянувшуюся непогоду.

Труднее всего приходилось пилотам-разведчикам. Частые полеты в сложных метеоусловиях, постоянное напряжение выматывали людей. А на то, чтобы их заменили другие экипажи, они не соглашались, выдвигая весомый довод: «Мы к рельефу местности присмотрелись, все знаем, а новичкам еще привыкать нужно. Да и что они разглядят в этой серой мути?»

Недосыпал и Василий Георгиевич. За эти дни он побывал в 3-й танковой, 5-й и 13-й армиях, с которыми предстояло взаимодействовать корпусу, и детально обсудил с командующими Рыбалко, Жадовым и Пуховым все вопросы.

Лишь поздно вечером 10 января Рязанов возвратился к себе в корпус. Сбросив с плеч изрядно промокшую шинель и стянув забрызганные грязью сапоги, он в шерстяных носках подошел к печке, прикрыв глаза, прижался к ее теплому боку. И почувствовал, что холод постепенно начинает покидать его усталое тело.

— Разрешите, товарищ генерал?

Рязанов открыл глаза, растер руками лицо, сгоняя нахлынувшую дремоту. В комнату вошел полковник Гультяев, заменивший уехавшего недавно на учебу замполита Белякова.

— Заходи, заходи. Присаживайся. Я как раз хотел тебя вызвать. Ты откуда так поздно?

— Ездил в сто пятьдесят пятый, вручал партийные билеты. По традиции, которую еще Беляков завел. Да я тоже, как и он, не люблю людей в политотдел вызывать. А там, на месте, и билет вручишь, и на человека в его привычной обстановке посмотришь, и по душам поговоришь. Благо, в такую погоду летают только на разведку, да и то немногие.

— Ну как там ребята?

— Жалуются, что какое-то неравенство получается. Одни, а таких большинство, отдыхают да наставления разные изучают, а другие, мол, в меньшинстве которые, из самолетов не вылезают...

— А ты бы объяснил им, что такое важное дело, как разведка, не каждому под силу. Тут не только зрение орлиное нужно, но и умение, призвание следопыта.

— Объяснять легко, понять — труднее.

— Ничего, передышка, чувствую, к концу идет. А бои начнутся — работы хватит всем.

Рязанов оказался прав. Уже через день, утром 12 января, войска 1-го Украинского фронта перешли в наступление. В нем участвовали все... кроме авиации. Дело в том, что накануне ударила оттепель, и густой туман плотно прикрыл все аэродромы корпуса. Лишь вечером 19 января ветер стал растаскивать полосы тумана, но в полет выпустили лишь один экипаж — Талгата Бегельдинова. Вернулся он, когда сгустились вечерние сумерки. Разведка была успешной: удалось заметить, что в районе станции Тарновиц накапливаются фашистские танки — это как раз на левом фланге наших наступающих армий.

За ночь туман почти рассеялся, небо очистилось от туч, и в придорожных лужах отражалось голубое небо. Утро застало Рязанова на НП командарма 5-й гвардейской. Это на ее боевые порядки нацелилась вражеская танковая группировка. Едва начало светать, как послышался характерный гул авиационных моторов. Первую восьмерку «илов» вел Герой Советского Союза Николай Столяров.

Открыла огонь зенитная артиллерия врага. Небо испятнали шапки снарядных разрывов. Казалось, что они вот-вот нащупают штурмовики, и тогда случится непоправимое. Командир первой группы принял решение прежде всего подавить зенитную батарею, прикрывающую танковую группировку. Снаряды авиационных пушек и сброшенные бомбы буквально перепахали то место, где находилась батарея.

А в это время другие группы штурмовиков беспрепятственно атаковали изготовившиеся к броску фашистские танки. Клубы дыма поднялись над землей. А самолеты один за другим ныряли в этот дым, сбрасывали кумулятивные бомбы, прожигающие броню танков, выпускали реактивные снаряды.

Командующий 5-й гвардейской армией генерал Жадов оторвал от глаз бинокль и с уважением взглянул на Рязанова:

— Умело бьют твои ребята фашистские танки. Научились. Растрепали всю группировку. Теперь я за фланг спокоен.

— Так ведь который год уж учимся. А если считать год на

«передке» за три, так уж фронтовую академию заканчиваем.

28 января наши войска при поддержке авиации овладели городом Катовице, центром Верхней Силезии. Фашисты отступали так быстро, что не успели даже взорвать заводы и шахты этого крупного промышленного района. Вот когда пригодилось мастерство летчиков корпуса наносить массированные удары. Рязанов твердой рукой управлял действиями штурмовиков. Однажды, когда воздушные разведчики обнаружили в районе Вежбник — Скаржиско-Каменна крупный штаб гитлеровцев, он немедленно отдал приказ поднять в воздух все штурмовики полка майора Матикова. Удар был точен. Как впоследствии сообщили танкисты Рыбалко, «илы» в щепки разнесли штаб 42-го армейского корпуса. Командир его генерал Рекналль был убит.

В конце января Конев поставил перед корпусом Рязанова серьезную и ответственную задачу — не допустить разрушения вражеской авиацией предприятий и шахт освобожденной Силезии. Дело в том, что Гитлер, разъяренный потерей важного промышленного района, приказал любыми путями сровнять с землей все шахты и заводы.

Фашистская авиация резко активизировалась. Один налет следовал за другим. Советским истребителям приходилось нелегко, поэтому Рязанов прибег к помощи штурмовиков. Правда, с «мессершмиттами» и «фокке-вульфами» им бороться было трудно, но вот с «юнкерсами» наши «илы» могли потягаться на равных.

Бои в воздухе были жестокими. Однажды, например, девятка штурмовиков 140-го полка, летавшая бомбить железнодорожную станцию Вассовка, встретилась с 20 бомбардировщиками врага, которых прикрывали 16 истребителей. Рязанов приказал вступить в бой.

Прикрывавшее штурмовиков звено «яков» отвлекло на себя вражеские истребители. А тем временем «илы» сблизились с «юнкерсами» и ударили по ним из всех видов бортового оружия. Четыре вражеских бомбардировщика врезались в землю, а остальные, сбросив бомбы куда попало, развернулись и ушли восвояси. В это время младший лейтенант Иванников заметил, как один «юнкерс» на бреющем шел к копру шахты. Времени на раздумье не было, и он бросил свой штурмовик вниз. Сблизившись с бомбардировщиком, Иванников прицелился и нажал на гашетку. Но не почувствовал привычной вибрации самолета. «Либо кончились боеприпасы, либо отказало оружие», — мелькнула мысль. А «юнкерс» уже близок к цели.

— Саша, иду на таран! — крикнул Иванников воздушному

стрелку Сороколетову и бросил штурмовик на вражеский бомбардировщик. Ценой своей жизни экипаж «ила» не дал прорваться врагу к шахте.

Потерпев неудачу в воздухе, фашисты решили разрушить промышленные предприятия Силезии огнем дальнобойной артиллерии. Чтобы вести корректировку, подняли в воздух аэростат. Маршал Конев приказал Рязанову немедленно сбить корректировщика.

Однако сделать это сразу не удалось. Первая пара истребителей, попытавшаяся атаковать аэростат, попала в такой плотный зенитный огонь, что только чудом спаслась. Вернувшись на аэродром, летчики смущенно докладывали командиру корпуса:

— Неудача, товарищ генерал. Этот проклятый «пузырь» не меньше пяти батарей прикрывают.

Рязанов сдвинул на затылок фуражку и невесело улыбнулся:

— Эх вы! Самолет сбивать научились, а вот аэростат не сумели.

К командиру корпуса подошел худощавый черноволосый летчик.

— Товарищ генерал, разрешите обратиться?

Рязанов с интересом взглянул на летчика:

— Слушаю вас, капитан Мерквиладзе.

— Разрешите мне сбить этот аэростат. А то за всех истребителей обидно, за всю дивизию.

— А сможете? Ведь там же зениток полно.

— Так ведь я в лоб не полезу. У меня план есть. Разрешите только.

— Ну добро.

Вскоре одинокий истребитель Гарри Мерквиладзе поднялся в воздух и полетел вдоль линии фронта. Он пересек ее километрах в семидесяти от того места, где был поднят аэростат, и стал удаляться во вражеский тыл. Затем, развернувшись вновь к линии фронта, он снизился до бреющего полета. Под крылом «яка» мелькали траншеи, автомашины, набитые солдатами. Самолет никого не обстреливал. Все внимание Мерквиладзе было приковано к показавшейся на горизонте точке — привязному аэростату, в корзине которого сидел фашистский корректировщик.

Зенитки врага молчали, когда наш истребитель вдруг сделал небольшую «горку» и ударил почти в упор по цели из пушки и пулеметов. Аэростат вспыхнул и камнем пошел вниз. Корректировщик не успел даже воспользоваться парашютом.

Когда открыли огонь зенитные орудия, самолет на бреющем

уже пересекал линию фронта. Мерквиладзе видел, как наши пехотинцы подбрасывали вверх шапки, выражая свое восхищение виртуозной атакой...

11 февраля, разгромив фашистскую группировку в Верхней Силезии, войска 1-го Украинского фронта продвинулись к Одеру и захватили плацдармы на его западном берегу. 15 февраля вышел Указ о награждении корпуса орденом Суворова.

Забрезжил рассвет 2 марта 1945 года. Командующего 1-м Украинским фронтом Рязанов нашел на передовом наблюдательном пункте, расположенном восточнее города Бунцлау. Иван Степанович тепло поздоровался с ним. Несмотря на разницу в званиях, их связывала давняя дружба, которая началась 20 лет назад.

— Как, Василий, не подведут сегодня твои штурмовики? — спросил Конев, глядя, как сноровисто готовит к работе рацию невысокий связист с голубыми авиационными погонами.

— Постараемся оправдать гвардейское звание, товарищ маршал.

— Это хорошо. А то сегодня танкисты, — маршал кивнул в сторону Рыбалко, — грозятся Бунцлау, наконец, взять. Один раз у них осечка вышла. Надо помочь... Специально сюда вот, к Рыбалко, приехал и тебя пригласил.

— Обижаете танкистов, товарищ маршал, — сказал командарм. — Танкам же простор нужен. А в этой каменной мышеловке от проклятых «фаустников» просто житья никакого нет.

— Так ведь и сегодня легче не будет...

— Ну что вы, раз штурмовики Рязанова прикрывают, значит, все в порядке. Мы их не первый год знаем.

...На аэродроме, где базировался 152-й гвардейский истребительный полк, командир полка майор Василий Михайлович Шевчук, мужчина почти двухметрового роста, ловко руководил своими экипажами. Все шло хорошо. И тут поступил приказ: срочно вылететь на прикрытие 18 штурмовиков, они уже воздухе.

Майор посмотрел, как шла на посадку очередная группа «яков», и тихо выругался. Если даже выпустить ее сразу же после заправки, то все равно пройдет не менее получаса. А больше на аэродроме ни одного самолета. День был горячий — все на прикрытии.

— Не было еще такого, чтобы гвардейцы-истребители не выполнили приказ. — И Шевчук, схватив шлем, бегом помчался к своему «яку». Надеть парашют, занять привычное место в кабине, запустить мотор было делом нескольких минут. Прямо со стоянки

истребитель зарулил на взлетную полосу. Летчик дал полный газ. Легкокрылый «як» послушно оторвался от земли и быстро набрал высоту.

«Погода неважная. Трудно будет сегодня работать штурмовикам», — подумал командир полка, оглядывая затянутый плотной дымкой горизонт. Вскоре он увидел, как низко над землей шли знакомые «горбатые» машины. Шевчук летел над строем штурмовиков. На фюзеляже ведущего алела крупная цифра — 13.

«Видно, важное задание, если вести группу поручили Бегельдинову». Шевчук приветственно покачал крыльями и стал набирать высоту. Внимательно осматривая горизонт, он заметил четыре вражеских самолета. Они приближались к группе штурмовиков. «Два «хеншеля» и два «фокке-вульфа», — определил майор силы врага и облегченно вздохнул, увидев, как начали набирать высоту и штурмовики...

А на передовом НП с нетерпением ждали, когда появятся «илы». Несколько раз танкисты Рыбалко приближались вплотную к окраинам города и вновь отступали с потерями. Надежда была только на авиацию.

Командующий фронтом первым заметил штурмовиков. Он долго присматривался, потом обернулся к Рязанову:

— Кто прикрывает Бегельдинова?

— Летчики сто пятьдесят второго гвардейского истребительного полка.

— Какие летчики? Вот один «як» крутится, и все. А если фашистские истребители? — Конев опять глянул в мощный цейсовский бинокль. — Ну вот и они, легки на помине.

...Шевчук внимательно следил за приближающимся врагом. Он решил сначала атаковать ведущего пары «фоккеров» и ввел в крутое пикирование послушный «як». Когда до фашистского самолета остались считанные десятки метров, он нажал на гашетки. Снаряды авиационной пушки развороти ли кабину «фокке-вульфа», и тот камнем полетел к земле.

Фашисты растерялись. Они никак не ожидали такой атаки. В это время по ним ударила девятка штурмовиков. Море огня забушевало перед истребителями противника. И еще два самолета ткнулись в мерзлую землю.

Оставшийся «хеншель» развернулся и дал полный газ, стараясь уйти на бреющем. Но его перехватил «як». Короткая пулеметно-пушечная очередь оказалась точной. Последний фашистский самолет окутался дымом и упал на землю в нескольких сотнях метров от передового наблюдательного пункта.

Воздушный бой занял всего несколько минут. Штурмовики как ни в чем не бывало вновь легли на боевой курс.

Шевчук услышал, как знакомый басок Рязанова запросил:

— «Маленький», кто работает?

— Шевченко...[3]

— Шевченко, «хозяин» объявляет тебе благодарность.

А две девятки «илов» уже заходили на штурмовку. Они ударили по расположенным на окраине города домам, где засели гитлеровцы. От взрывов бомб рушились кирпичные стены, реактивные снаряды сжигали и разрушали остальное. Рязанов связался с Бегельдиновым, приказал сделать еще два захода и ударить из пушек и пулеметов по окнам сохранившихся зданий. В это время танки Рыбалко пошли в атаку, и бой, наконец, передвинулся к центру города. Главное было сделано — линия обороны прорвана.

Штурмовики легли на обратный курс. Сопровождал их по-прежнему одинокий истребитель Шевчука. Но прикрывать уже было не от кого — чистое небо простиралось до самого горизонта.

Мерно гудел мотор «яка», и Шевчук припомнил свой первый, самый, пожалуй, неприятный разговор с командиром корпуса. Это было 10 августа 1943 года. Наши войска, освободив Белгород, вели наступление на Харьков, а фашистские танки, замаскировавшись копнами сена, готовили ловушку для советских войск. Они ждали, когда подойдут наши танки, чтобы с близкой дистанции расстрелять, уничтожить их.

Хитрость немцев была разгадана. Штурмовой полк майора Володина внезапно атаковал фашистские бронированные машины. Четверка истребителей, которой командовал Шевчук, прикрывала штурмовиков, но вражеские самолеты так и не показались. Зрелище горящих танков было настолько впечатляющим, что Шевчук не выдержал и, включив рацию, громко, с чувством произнес:

— Трепещите, варвары! Наступает советский народ! Гибель ждет всех захватчиков на нашей земле! — И по привычке добавил: — Я Шевченко, прием...

Он работал на той же волне, что и штурмовики. В это время Рязанов ставил задачу ведущему группы. Патетическая речь Шевчука ворвалась в эфир и заглушила указания генерала. Поэтому в ответ на свое выступление Шевчук услышал лишь короткую реплику командира корпуса:

— Шевченко, тебе — выговор.

Только спустя два дня, когда Шевчук, охраняя штурмовики, сбил «мессершмитт», он вновь услышал спокойный голос

командира:

— Шевченко, взыскание снимаю.

...Когда «илы» сели на своем аэродроме, Шевчук повернул восвояси. В полку его ждали новые заботы.

Красный диск солнца медленно уходил за горизонт, когда на аэродроме приземлился знакомый самолет. Командир корпуса неторопливо вылез из кабины и направился к командному пункту полка. Шевчук поспешил навстречу, Рязанов предупреждающе поднял руку:

— Доклада не нужно. Летчики еще на аэродроме? Вот и хорошо. Прошу построить полк, пока не стемнело...

Василий Георгиевич встал перед строем.

— Товарищи офицеры, сержанты и солдаты! Позвольте мне поблагодарить вас за успешную работу сегодня. Особенно отличился ваш командир майор Шевчук. Он один, прикрывая штурмовики, сбил два фашистских самолета. За боем наблюдал командующий фронтом маршал Конев. За эту победу он наградил командира полка орденом Красного Знамени. Позвольте мне от имени Президиума Верховного Совета СССР вручить награду.

Смущенный Шевчук, чеканя шаг, подошел к Рязанову и принял коробочку с орденом. Он хотел было встать в строй, но Василий Георгиевич придержал его:

— И еще одно. Сбитые сегодня фашистские самолеты явились четырнадцатым и пятнадцатым на боевом счету вашего командира. В связи с этим маршал Конев приказал мне оформить наградный лист и представить Шевчука Василия Михайловича к званию Героя Советского Союза. — Взглянув улыбающимися глазами на застывший строй, генерал подал команду: — Вольно!

Тут же летчики обступили своего командира. И, хотя солнце уже скрылось за горизонт, Шевчуку еще немало пришлось совершить беспорядочных «полетов» в воздух и приземлений... в надежные руки товарищей.

Последний штурм

После жарких боев главком ВВС Новиков сказал как-то командующему 2-й воздушной армией генерал-полковнику авиации Красовскому:

— Степан Акимович, в Ставке есть мнение предложить кандидатуру генерала Рязанова на повышение.

— Не согласится он, Александр Александрович.

— Почему?

— Рязанов столько сил вложил в то, чтобы сделать корпус лучшим в ВВС. И теперь уйти из него, да еще перед началом решающего сражения за Берлин?.. Откажется Рязанов от вашего предложения, это я точно знаю. Впрочем, лучше сами переговорите с Коневым.

В этот же день Новиков встретился с командующим фронтом.

— И не просите, не отдам, — отрезал Конев. — Мне в скором времени предстоит наступать, а первый штурмовой — одна из моих главных опор.

— Да поймите, Иван Степанович, армию дадут Рязанову.

— Подожди минуту, Александр Александрович, — немного остыв, сказал Конев. — Он здесь, в штабе. Прямо при тебе и спросим.

Маршал отдал распоряжение адъютанту пригласить Рязанова и, когда Василий Георгиевич вошел, обратился к нему:

— Слушай, Василий Георгиевич, вот Ставка собирается тебя повысить с переброской на другой фронт. Как ты на это смотришь?

Рязанов сбил фуражку на затылок. Так он делал всегда, когда его что-нибудь озадачивало. Несколько секунд размышлял, затем сказал глухо:

— Товарищ главком, товарищ маршал, очень прошу вас, не разлучайте меня с моими хлопцами. Ведь они вместе со мной Берлин собираются штурмовать. Сколько вместе пережито!..

— Ну вот видишь, Александр Александрович, отказывается. А впрочем, пусть еще подумает.

— Да, да, подумайте, генерал-лейтенант, — повторил Новиков и распрощался с Коневым.

Когда дверь за главкомом закрылась, Конев сказал Рязанову:

— Учти, Василий, это уже третий заход на тебя. Так что думай. До победы еще так-сяк, а после тебе ни за что не отвертеться.

— Так то после войны, Иван Степанович, — улыбнулся Василий Георгиевич. — Тогда-то я и сам, может, соглашусь, не

раздумывая.

...Возвращаясь на самолете в штаб корпуса, слушая ровный гул двигателя и посматривая на плывущую внизу землю, Василий Георгиевич еще и еще раз обдумывал свой отказ от лестного предложения. И снова приходил к выводу, что поступил правильно. «Разве можно с легким сердцем оставить людей, с которыми вместе столько пережито за последние три года?!» — размышлял он.

Перед глазами вставали лица его асов. Нет, он никогда не делил их на любимчиков и пасынков. Если любишь свое дело, воюешь честно, как положено и чуточку лучше, то уважение генерала тебе обеспечено. Это знал в корпусе Рязанова каждый летчик, стрелок, техник, оружейник...

Вот Михаил Одинцов. Василию Георгиевичу нравились твердый характер этого стройного, худощавого юноши, его смелость и находчивость. Еще на Калининском фронте, когда наши танки ворвались в город Белый, а фашисты старались взять их в кольцо, Одинцов проявил все свои лучшие качества.

Не допустить окружения нашей танковой группы — такую задачу поставили перед корпусом. И хотя была нелетная погода, Василий Георгиевич решил послать пару «илов». Назначил ведущим Одинцова. Тот взял себе напарником младшего лейтенанта Чернышева.

«Ильюшины» оторвались от земли и скрылись в молочной пелене обильного снегопада. Прижимаясь к нависшим над лесами облакам, начали поиск. С трудом обнаружили засыпанную снегом дорогу. Присмотрелись. На обочинах, между деревьями, прятались немецкие танки, автомашины, артиллерийские орудия.

Снизились до самых деревьев и бросили бомбы.

— Начало отличное! — услышал Чернышев в наушниках голос Одинцова. — Повторим.

Семь заходов сделала пара штурмовиков. От вражеской колонны уцелело немного.

...Самолет, проваливаясь в воздушные ямы, летел над безымянной речушкой. Василий Георгиевич увидел деревянный мост, а рядом — торчащий из воды стабилизатор немецкого бомбардировщика. Вот так же погиб ярославец Борис Щапов во время Ясско-Кишиневской операции: подбитый, упал в речушку.

В 144-м гвардейском штурмовом авиаполку Щапова любили за широту натуры, за молодецкую удаль.

В сентябре 1943 года эскадрилья «илов» под командованием Пошивальникова, в которой летел Щапов, разбомбила переправу через Днепр у Кременчуга. В самолет Бориса тогда угодили три зенитных снаряда, осколком задело лицо. В завершение всего из

облаков на его израненную машину, словно коршуны, накинулись «мессеры». Прижимаясь к земле, маневрируя, летчик привел самолет домой, хотя сам находился в полубессознательном состоянии.

Днепропетровщина. Младший лейтенант Щапов так искусно уничтожал артиллерийские и минометные батареи на Бородаевских высотах, что командующий 5-й армией генерал Жадов трижды объявлял летчику по радио благодарность.

Под Корсунь-Шевченковским звено младшего лейтенанта Щапова сбило 11 транспортных самолетов Ю-52, пытавшихся пробиться к своей окруженной группировке. Меньше года летал Борис, а успел сделать 133 боевых вылета, в 53 воздушных боях на «иле» сбил 8 вражеских истребителей. Был награжден пятью орденами.

Или вот Девятьяров. Степенный, уравновешенный, 36 лет от роду. Это даже неплохо, когда среди молодых летчиков есть люди постарше. Не случайно в полку Девятьярова стали звать Батей.

В феврале 1944 года танковая дивизия гитлеровцев готовилась прорвать кольцо наших войск, окруживших корсунь-шевченковскую группировку. Генерал послал на задание девятку «илов» под командованием Александра Девятьярова. В снежной круговерти штурмовики тщательно осматривали местность от Звенигородки до Капустина. Обнаружили в четырех километрах от Капустина 60 танков, которые разворачивались в боевой порядок, нацеливаясь на север.

Капитан Девятьяров тотчас доложил об этом генералу. Рязанов приказал:

— Задержи их до подхода новой группы.

Обойдя зенитный огонь, штурмовики обрушили на притаившиеся танки бомбо-реактивный удар, прошлись по немецким зенитчикам пулеметно-пушечным огнем... 20 минут висели «илы» над колонной. Они покинули район боя, лишь когда в наушниках послышался голос ведущего следующей группы «илов»:

— Батя! Отходи! Дай и нам поработать!

...Самолет летел уже около часа. Командир корпуса, отвлекаясь от размышлений, некоторое время следил за движениями летчика. Но потом незаметно опять возвращался к тому, о чем думал всю дорогу. Окидывая мысленно боевой путь своего корпуса, он не мог не вспомнить недавние тяжелые бои в Карпатах.

Действовать приходилось мелкими группами, а то и в одиночку. Три дня бились наземные части, пытаясь овладеть деревней Гамры в районе горы Цергова, но безрезультатно.

Несколько танков, рванувшихся было вперед, гитлеровцы подбили прямой наводкой из пушек, установленных на склонах горы. Василий Георгиевич доверил тогда штурмовать артиллерийские позиции врага астраханцу Юрию Балабину. Он напутствовал штурмовика:

— Разберись там как следует. Не сразу, а постепенно!

Капитан Балабин решил искать цели не группой, а поодиночке. Сначала группа «ильюшиных» прошла вдоль линии фронта над территорией противника. Затем «илы» на небольшой высоте устремились к ущелью, оставляя зенитки врага выше себя.

Свернув к седловине, штурмовики опустились в другое ущелье. Этот круговой маршрут повторили еще раз, ибо при первом заходе цель обнаружить не удалось. В деревне Гамры приметили лишь три бронетранспортера.

Во время второго захода обстановка прояснилась. В ущелье, в самом узком месте реки Веслок, был каменный мост. Балабин заметил, что к нему ведет лесная дорога. Правый берег реки скалистый, на север же от него тянется километров на восемь густой лиственный лес. В 150 метрах от моста, у подножия довольно высокой горы, ведущий различил два танка, вкопанные по башню в землю и обращенные орудиями к мосту. Южнее, ближе к Гамрам, спряталась тщательно замаскированная артиллерийская батарея.

Оценив обстановку, Балабин пришел к выводу, что одна группа «илов» должна подавить батарею, другая — врытые в землю танки.

Этот план был осуществлен блестяще. Первая шестерка подожгла оба танка, вторая — прямым попаданием «эрэсов» разбила орудия. Немцы в панике стали покидать свои позиции. Воспользовавшись их замешательством, пять «тридцатьчетверок», стреляя на ходу, проскочили мост, а вслед за ними двинулись еще десять бронированных машин.

Василий Георгиевич приказал Балабину сделать над позициями гитлеровцев еще два захода. Хотя боекомплект у летчиков был израсходован, в бой вступили воздушные стрелки, которые вели огонь по укрытиям фашистов из хвостовых пулеметов. Когда группа повернула домой, Юрий Балабин удовлетворенно вздохнул: наши танки приближались к Гамрам. Смелые и находчивые действия штурмовиков позволили тогда танкистам продвинуться сразу на 8-12 километров.

...Василий Георгиевич глянул вниз, где проплывали знакомые ориентиры. Самолет совершил посадку недалеко от штаба корпуса. Не раздеваясь, генерал прошел в кабинет, где стоял телефонный аппарат.

— Товарищ маршал! Я еще раз все обдумал по дороге, — сказал Рязанов. — Хочу пройти с корпусом весь путь до конца. Иначе поступить не могу!

— Ну и прекрасно! — в трубке послышался довольный голос Конева. — Твое решение, Василий Георгиевич, одобряю. Сейчас же об этом сообщу Новикову.

Войска 1-го Украинского фронта вели бои на территории Германии. Как-то Рязанов пригласил к себе начальника оперативно-разведывательного отдела полковника Иоффе.

— Весенняя распутица, — сказал он, — здорово мешает нам взаимодействовать с танковыми армиями Рыбалко и Лелюшенко. Необходимы каждодневные разведывательные полеты для точного определения дислокации противника, быстрого поиска исправных аэродромов. Покажите-ка мне донесения лучших разведчиков.

Замелькали знакомые фамилии: Бегельдинов, Мельников, Драченко, Яковлев, Степанов, Филатов, Балабин, Шутт...

Еще в районе Корсунь-Шевченковского гитлеровцы пустили путеразрушитель, который с помощью хитроумного приспособления, напоминающего плуг, ломал шпалы пополам, а рельсы выгибал дугой, обламывая их на концах. За час он уничтожил 12 километров железнодорожного полотна.

Найти и разбомбить его было поручено Талгату Бегельдинову. Каждый день поднимался он в воздух с одним желанием — обнаружить путеразрушитель. Но приходилось видеть лишь следы его работы. Кажется, вчера пролетал над знакомой железнодорожной веткой, а сегодня она уже изуродована. Поискал противника — нигде не видно. И так повторялось не один раз.

Наши войска интенсивно вели подготовку к уничтожению окруженной вражеской группировки. Склады боеприпасов расположены далековато, а на подходе к Корсунь-Шевченковскому — километры изломанного пути. И Рязанов настойчиво повторял свой приказ о необходимости найти и уничтожить путеразрушитель.

В который раз Бегельдинов поднялся в воздух. Собрал разведданные о позициях немцев, сфотографировал расположение артиллерийских батарей... И вдруг заметил на снежном покрове тень паровоза.

— Ах ты, шайтан! — выругался Талгат.

Снова взглянул: в лучах заходящего солнца двигалась уродливая тень паровоза. Резко снизился, выровнял «ил» над землей и сразу понял, почему его поиски до сих пор были безрезультатны. Сверху на путеразрушителе немцы смонтировали

площадку, на которую уложили снег, комья земли, кусты. Пилот даже вскрикнул от радости, поняв, в чем дело. Развернул «ил» и спикировал, но паровоз, управляемый опытным машинистом, вдруг дал задний ход. Снаряды прошли мимо. Талгата это не на шутку разозлило. Со второго захода он угодил «эрэсом» прямо в котел. Паровоз окутался облаком пара и остановился. Потом штурмовик спикировал еще раз, и остальные «эрэсы» довершили дело: на рельсах осталась бесформенная груда металла.

Припомнился Рязанову и другой случай, когда на разведку летали парой Юрий Балабин и его ведомый. Им было приказано отыскать в селе штаб немцев. Прошли над домами на бреющем. Вдруг ведомый взволнованно сообщил Балабину:

— Смотри-ка, Андреевка — мое родное село.

Штаб гитлеровцев обнаружили по скоплению легковых автомашин.

— Так это ж моя хата! — воскликнул ведомый. Передали координаты Рязанову. Последовал приказ:

— Уничтожить!

Развернулись, сделали «горку» и устремились вниз.

— Юра! — крикнул ведомый. — Может, один ударишь, а? Рука у меня не поднимается.

— Ладно, Алеша, попробую...

Этот радиоразговор Василий Георгиевич слышал от слова до слова, но вмешиваться не стал.

Балабин сбросил бомбы на цель и тотчас услышал возмущенный голос товарища:

— Что ты наделал? Промазал ведь, Юра! Атакую сам...

И дом был накрыт точным бомбовым ударом. После возвращения на свой аэродром Алексей стал каким-то рассеянным.

— Пока не освободим село, в полеты его не посылать, — приказал Рязанов.

А когда Андреевку заняли наши войска, Балабин усадил упирающегося друга в трофейный «оппель». Подъехали к пепелищу. Алексей что-то хотел сказать Балабину, но язык у него не ворочался... Он увидел, как в обгоревших обломках дома копается мать. Плача, она прижалась к груди сына, стала рассказывать:

— Фашисты выгнали нас из избы: важная птица из Германии приехала. А тут и налетели наши, стали бомбы кидать. Страсть, что творилось! Потом я выглянула из соседней хаты: вместо нашего дома одни ямы да дымок в них курится...

— Знаешь, — улыбнулся Василий Георгиевич начальнику оперативно-разведывательного отдела, — если сюда

присовокупить историю с Александром Максимовым, «шуточки» Николая Шутта, таран Луганского, бомбу Кобзева, которую тот приволок на крыле, то, пожалуй, получится собрание приключенческих историй.

— Про историю Максимова я что-то не слышал, — пожал плечами Иоффе.

— И немудрено, ведь случилось это в сорок втором. Летел он на «яке», в воздушном бою отказал пулемет. Максимов пошел на таран, фашиста сбил, но сам сорвался в плоский штопор. Как падающий лист приземлился. «Як» — вдребезги, а Максимову хоть бы что, отделался царапинами.

— Это что же, везение?

— Да, шансов уцелеть — один из ста. — Генерал взял из коробки папиросу. — А о Шутте вы, наверное слышали.

— Знаю, что он шутник, позер, любитель выпить...

— Но-но! — перебил Рязанов. — Пьет он лишь свои наркомовские. А вот что шутник, так тут Николай свою фамилию оправдывает, это точно. Перед каждым вылетом тарелку ломает. Не сломает — не полетит.

— Это вроде как суеверие...

— А разве не суеверие, когда летчики не бреются перед боевым вылетом, а некоторые сначала на земле посидят, прежде чем залезть в кабину? В полку Шевчука, например, один летает с собачонкой...

— Так это же нарушение, товарищ генерал.

— Нет тут никакого нарушения, дорогой. До сих пор существует в русских деревнях обычай вешать в домах лошадиную подкову на счастье, посидеть перед дальней дорогой... А поведение летчиков понятно: умирать-то никому неохота... Просто эти шутки у Шутта и других что-то вроде счастливых примет. Ребячество, конечно. Зато вы посмотрели бы Шутта в бою! — Василий Георгиевич глубоко затянулся папиросой и продолжал: — Шутки, конечно, разные бывают. Их надо научиться различать. А если командир по пустякам начинает шпынять подчиненных, то путного из этого ничего не выйдет. Одна нервотрепка. Знаю по себе... Был такой случай. Как-то группа «илов» возвращалась с задания. Запрашиваю: «Кто ведет группу?» — «Пушкин», — бодро отвечает ведущий. Я тогда здорово устал, не до шуток было. Запросил еще раз. «Пушкин», — опять ответ, но слышу голос осекся. «Придется разобраться», — говорю. Через пару часов приехал в полк. Собрали летный состав. Я строгим голосом спрашиваю: «Кто вел шестерку — выйти из строя». Молодой, среднего роста офицер сделал три шага вперед. Приложив руку к козырьку, представился: «Лейтенант Пушкин». Я

переспросил фамилию. Думаю, может, ослышался. Он подтвердил. Рассмеялся я тогда. Что же мне оставалось делать? «А я уж думал, — говорю, — решили разыграть меня. Приготовился всыпать по первое число новоявленному поэту. Так вот, товарищ Пушкин, фашистов вы сегодня колотили по-гвардейски. Объявляю группе благодарность».

Помолчав, Василий Георгиевич приказал вызвать полковника Шундрикова.

Через час командир 8-й гвардейской штурмовой авиадивизии Владимир Павлович Шундриков, щеголеватый, стройный, входил в кабинет Рязанова.

— Готовится последний штурм, — сказал Василий Георгиевич, — вашей дивизии предстоит решить две задачи: первую — поставить в точно назначенное время дымовую завесу по руслу реки Нейсе, вторую — безотрывно сопровождать танковую армию Рыбалко. Лично вам, Владимир Павлович, придется поломать голову над выбором подходящих аэродромов. Может быть, следует искать их на линии прорыва. Это для того, чтобы поспеть за танками... Задачи понятны?

— Не совсем, товарищ генерал.

— Тогда присаживайтесь поближе, полковник. Разберемся по порядку.

Стрельба донеслась с левого берега Нейсе.

— Николай Павлович, что, уже началось? — беспокойно спросил Рязанов командарма-13 генерала Пухова. Стрелки наручных часов показывали два часа ночи.

— Несколько рот ведут разведку боем, — оторвавшись от телефонной трубки, сообщил Пухов.

— И каков результат?

— Все попытки продвинуться вперед и вклиниться в оборону врага наталкиваются на организованное сопротивление...

Была ночь 16 апреля 1945 года. Через несколько часов должно начаться последнее в этой войне наступление — берлинское. В ходе ночного боя разведка установила, что противник прочно занимает обороняемые позиции, которые протянулись на несколько сот километров по левому берегу Нейсе. Василий Георгиевич знал из донесений своих штурмовиков-разведчиков, что за первой, главной полосой обороны шла вторая, а на западном берегу реки Шпрее — третья (тыловая), оборонительная полоса.

Спать было некогда, и генерал Рязанов «сел» на телефон: связывался со своими полками. Задание, поставленное Коневым перед штурмовиками, было необычным, но от умелого его выполнения зависел успех первых часов наступления

общевойсковых и танковых армий...

Над рекой занимался рассвет. Рязанов отдал приказ поднять корпус в воздух и ждал появления первых групп. Послышался характерный рокот «илов». Василий Георгиевич по номерам на фюзеляжах узнал ведущих — командира 144-го полка Героя Советского Союза гвардии майора Михаила Степанова и комэска 140-го полка гвардии капитана Николая Яковлева. В 6 часов 50 минут краснозвездные «ильюшины» появились над передним краем. Сделав несколько заходов, штурмовики выпустили шлейфы дыма, и река Нейсе окуталась бело-желтой завесой. Истребители прочесывали небо, не допуская немецкие самолеты к штурмовикам.

...Шестерка штурмовиков 140-го авиаполка снизилась до 5-10 метров. Один за другим они вылили содержимое своих бачков. Замыкающим шел Алексей Смирнов, который совсем недавно, пройдя сквозь муки фашистского плена, вернулся в строй. Перед кабиной его «ила» и сбоку стояла сплошная стена дыма, и вдруг Смирнов увидел в этой стене своеобразное «окно». «У какого-то самолета прибор сработал с опозданием», — подумал Алексей и, не колеблясь, направил свой «ил» к бреши, образовавшейся в дымовой завесе.

— Порядок! — крикнул воздушный стрелок.

Наблюдая за работой штурмовиков, Василий Георгиевич увидел, как за отставшим истребителем прикрытия

< Часть текста отсутствует. Похоже, что в бумажной книге не хватало одного листа... >

переданную с борта штурмовика-разведчика: «На восточной опушке леса шесть немецких танков. Вдоль реки — траншеи, не занятые противником. На трех дорогах 80 автомашин, более 300 повозок. Противник отходит».

Рязанов позвонил Баранчуку:

— Необходимо обеспечить штурмовикам истребительное прикрытие.

Но «яки» не могли взлететь с расползающегося грунта. Примчавшийся главный инженер корпуса стоял на летном поле посредине огромной лужи и советовался со специалистами. Нужно было срочно выходить из положения: танки уже двинулись вперед, и Рязанов нервничал. Находясь на КП, он то и дело запрашивал, вылетела ли очередная группа штурмовиков.

Техники и мотористы, обшарив склады, выволокли большие фанерные листы. Сколотили щитки, которые во время пробега

закрывали радиаторы истребителей. Как только самолет взлетал, щитки падали на землю...

При поддержке штурмовиков и под прикрытием массированного артиллерийского огня Нейсе форсировали также войска 5-й армии Жадова. Левый лесисто-болотистый берег был заминирован, переправочных средств не было. Гвардейцы перебирались через реку вброд, вплавь, по штурмовым мостикам. При поддержке корпуса Рязанова пехотинцы после ожесточенного боя овладели сильным опорным пунктом Мускау.

...Василий Георгиевич склонился над картой. «Тылы... тылы могут зарезать», — подумал он, вглядываясь в зеленые пятна лесов, в черные кружочки населенных пунктов, в красные нити дорог. Район предстоящих действий он знал наизусть. Данные воздушных разведчиков уже были нанесены на карты артиллеристов, танкистов и пехотинцев.

Генерал оторвался от карты и приказал дежурному вызвать командира 8-й авиадивизии полковника В. П. Шундрикова.

— Через день-два тройной оборонительный рубеж противника будет прорван. Я ставлю вам задачу перебазировать дивизию вот сюда. — Он обвел красным карандашом черный кружочек, около которого стояла надпись: Ной-Вельцев.

Вечером Шундриков доложил Рязанову о том, что аэродром Ной-Вельцев еще пока занят войсками противника.

— Необходимо выбить немцев и сесть на аэродром, — повторил Василий Георгиевич свой приказ.

И вот группа «илов», ведомая Шундриковым, подошла к аэродрому. Ее встретил сильный огонь зениток. Один из снарядов угодил в самолет ведущего. Комдив выбросился с парашютом из горящего «ила». При спуске его ранило. Приземлился он на нейтральной полосе. Первыми к нему подползли наши пехотинцы. Притащили раненого полковника в траншею. Хотели переправить в санбат, но он отказался.

— Позовите вашего командира, — попросил Шундриков.

— Я вас слушаю, — подошел к нему майор-пехотинец. Шундриков рассказал о категорическом приказе командира корпуса.

— Хорошо, — сказал пехотинец и отдал приказ готовиться к атаке.

...Короткая схватка, и фашисты, не выдержав натиска советских воинов, поспешно оставили аэродром.

Раненый Шундриков связался с Рязановым, доложил о выполнении приказа.

— Молодец, Владимир Павлович. А сейчас отправляйся в госпиталь.

Через час три полка штурмовиков и полк истребителей совершили посадку на аэродроме Ной-Вельцев, где была бетонированная взлетно-посадочная полоса. Благодаря этому штурмовики смогли вновь помочь танкистам Рыбалко и Лелюшенко.

Сейчас, в дни последнего штурма, когда фашисты дрались с отчаянием безысходности, Рязанов старался как можно чаще встречаться с летчиками-штурмовиками. Он хорошо понимал, что в настоящий момент многое зависит от моральной поддержки, от умелой работы с людьми.

...Василий Георгиевич прилетел в 144-й гвардейский штурмовой авиаполк, разместившийся в 160 километрах от Берлина.

— Майор Степанов с минуты на минуту должен прибыть, — доложил генералу начальник штаба подполковник Е. С. Иванов.

Скрипнули тормоза, и из «виллиса», доверху нагруженного немецким оружием — автоматами, пулеметами и фаустпатронами, вышел Михаил Степанов, высокий, светловолосый, с Золотой Звездой, блестевшей на гимнастерке.

— Это еще что за новости? — удивленно спросил Рязанов, показывая на оружие.

— Да тут такая история, товарищ генерал... — И Степанов рассказал командиру корпуса о своем необычном приключении.

...Вместе с воздушным стрелком Александровым Степанов возвращался на «виллисе» из штаба дивизии в полк. На большой скорости они проскочили густой лес. На опушке дорога делала крутой поворот. Машина едва не врезалась в колонну вооруженных гитлеровцев. Шофер резко затормозил. Остановились и немцы, хмуро поглядывая на Степанова. Майор встал во весь рост, властно поднял руку.

— Внимание! Солдаты и офицеры! — на немецком языке обратился он. — Вы знаете, что советские войска недалеко от Берлина. Поражение Германии неизбежно. Предлагаю сложить оружие.

Немцы молча рассматривали русского офицера с Золотой Звездой на гимнастерке, который стоял в машине под дулами десятков автоматов спокойно и открыто, никого не опасаясь.

Прошло несколько томительных секунд, и автоматы стали опускаться. Чувствуя гулкие удары собственного сердца, Степанов вынул портсигар:

— Битте! Гебен зи раухен.

Портсигар тотчас же опустел.

— Сергей! Принимай оружие! — приказал он Александрову и достал из кармана еще пачку сигарет...

Когда майор закончил рассказ, Рязанов сбил фуражку на затылок и сказал:

— Да-а-а. Будем считать, Миша, что тебе крупно повезло, потому как не оказалось среди них эсэсовцев. А вообще-то надо поосторожнее... Вызывай Бегельдинова.

Через несколько минут прибыл капитан Бегельдинов.

— Покажите планшет, — попросил его Рязанов. Летчик торопливо развернул карту. Генерал посмотрел и заметил:

— Вашей карты не хватит.

— Почему? Пятьдесят километров за линию фронта. Достаточно.

— Не совсем. Нужно подклеить еще лист... В общем, пойдете на Берлин со стороны Лукенвальде. Западнее города есть мост. Проверьте его. Далее — на Потсдам. Затем — домой. Высота полета — пятьдесят-восемьдесят метров. Насчет высоты не удивляйтесь. Полет предстоит очень сложный, и эта высота самая безопасная.

Сложив карту, Бегельдинов сказал:

— Разрешите лететь одному, без стрелка.

— Почему?

— Мне бы не хотелось ставить под угрозу жизнь товарища.

— Зачем же такие мрачные мысли? — Рязанов положил руку на плечо летчику. — Все будет хорошо. А что касается стрелка, то решайте сами.

...Бегельдинов держал курс на Берлин, докладывая командиру корпуса обо всем, что видел. Миновал Лукенвальде, до Берлина оставалось не более 20 километров. Неожиданно впереди показался аэродром, а на нем — истребители. Сделал крутой разворот и, дав газ, стал уходить... Обошлось.

Вскоре внизу показались пригороды Берлина. Мост через реку был запружен вражескими танками, бронетранспортерами, автомашинами с пехотой. Все это двигалось в четыре ряда.

— Разрешите нанести удар? — запросил Бегельдинов генерала.

— Атаку отставить! — голос Рязанова был резок.

В районе Потсдама немцы открыли ураганный зенитный огонь. Вот здесь-то Талгат не выдержал и, набрав высоту, бросил машину в пике на артиллерийские позиции. Нанес бомбовый удар, открыл стрельбу из пушек и пулеметов. Батарея замолкла. Бегельдинов сделал круг над Потсдамом, фотографируя позиции. Возвратился домой через два часа.

На командном пункте отважного разведчика уже ждал Рязанов. Он обнял и расцеловал пилота.

— Благодарю от души, Бегельдинов.

22 апреля стало решающим днем Берлинской операции. Гитлер принял решение: повернуть на восток армию Венка, действовавшую западнее и юго-западнее Берлина. 24 апреля начались первые атаки частей этой армии на участке Беелитц-Трейенбрицен. Гитлеровцы стремились прорвать фронт танковой армии Лелюшенко и 13-й армии Пухова, чтобы соединиться с окруженной юго-восточнее Берлина 9-й армией Буссе и затем вместе с ней выйти к столице. Таков был план Гитлера. Требовалось во что бы то ни стало сорвать его.

Первые попытки гитлеровцев совершить прорыв успеха не имели. В ночь на 26 апреля армия Буссе, окруженная юго-восточнее Берлина, предприняла отчаянные усилия вырваться в юго-западном направлении. Фашисты собрали в единый кулак пять дивизий. Это обнаружили штурмовики-разведчики Рязанова. Весь день самолеты 1-го и 2-го авиакорпусов бомбили и обстреливали врага. Они сожгли много танков, штурмовых орудий, транспортных машин. Гитлеровцы, не выдерживая ударов с воздуха, разбегались по лесам.

В это же самое время ожесточенные атаки с юго-запада предприняли части 12-й немецкой армии. Дорогу им преградили 5-й гвардейский механизированный корпус и войска правого фланга 13-й армии.

Кульминацией сражения за Берлин стали события 29 и 30 апреля. Гитлеровцы, доведенные до полного отчаяния, атаковали всюду, где им предоставлялась хоть малейшая возможность просочиться на запад. Поросшая лесом, изобилующая озерами и реками местность затрудняла нашим войскам наблюдение за противником как с земли, так и с воздуха.

...Свой КП командующий 4-й гвардейской танковой армией генерал-полковник Лелюшенко расположил южнее берлинских пригородов, в районе Беелитца, на плоской крыше одного из домов, откуда просматривалась местность далеко на юго-запад и северо-восток. Нашим войскам приходилось драться перевернутым фронтом. Причем линия его часто менялась, а в иных местах ее временами трудно было определить. Именно это обстоятельство больше всего беспокоило Василия Георгиевича Рязанова: немудрено угодить и по своим.

Свои опасения Рязанов высказал Лелюшенко. Дмитрий Данилович согласился и дал указания, чтобы обо всех изменениях расположения наземных войск немедленно сообщалось авиаторам.

— А то Рязанов может так ударить, — мрачно усмехнулся командарм, — что костей не соберут. Вон какая мощь в его руках.

Рязанов постоянно находился на КП вместе с Лелюшенко,

руководя действиями штурмовиков. В течение двух суток он не сомкнул глаз: враг лез напролом. Приходилось бить каждую группу фашистов, каждый танк, каждую самоходную установку, бить с обеих сторон.

30 апреля прорвавшуюся из окружения вражескую группировку войск отделяли от армии Венка каких-нибудь три-четыре километра. В эти тяжелые для танкистов Лелюшенко дни 1-й гвардейский штурмовой авиакорпус оказал фронту неоценимую помощь. Он нанес мощный удар по прорвавшейся группировке. Совместными усилиями танкистов и летчиков она к исходу дня была полностью ликвидирована. Следы жестоких боев можно было видеть на каждом шагу. Гитлеровцы оставили на поле боя только убитыми около 5 тысяч человек. Свыше 13 тысяч солдат и офицеров было взято в плен. Летчики корпуса с 27 апреля по 1 мая совершили 900 самолетовылетов.

Когда бои завязались в самом Берлине, штурмовики Рязанова били по улицам, по отдельным домам и этажам. Чтобы выкурить «фаустников», требовались снайперская точность и безошибочный расчет. На помощь пехотинцам и танкистам, сражавшимся в Берлине, посылались самые опытные летчики, следопыты-охотники.

За массовый героизм и образцовое выполнение заданий командования при штурме столицы третьего рейха корпусу Рязанова было присвоено наименование — Берлинский, на его боевом гвардейском знамени рядом с орденами Красного Знамени и Суворова появился третий орден — орден Кутузова. Многим летчикам-штурмовикам присвоили высокое звание Героя Советского Союза, а пятеро прославленных асов — В. И. Андрианов, Т. Я. Бегельдинов, И. Х. Михайличенко, М. П. Одинцов, Н. Г. Столяров — награждены второй медалью «Золотая Звезда». (С. Д. Луганский удостоен ее в 1944 году.)

В последние дни войны Рязанов управлял боевыми действиями групп штурмовиков, поддерживавших стремительный рейд танкистов Лелюшенко на Прагу.

Наступила пора подвести итоги. А они были внушительными.

Летчики соединения Рязанова за годы войны совершили более 58 тысяч боевых вылетов, уничтожили 3770 танков, 21 200 автомашин, 633 батареи полевой артиллерии, 1166 самолетов и много другой военной техники.

2 июня 1945 года за выдающиеся боевые заслуги, умелое управление частями и проявленные при этом личное мужество и героизм Василий Георгиевич был награжден второй медалью «Золотая Звезда».

Хотя война и закончилась, у Рязанова было немало дел. Он

по-прежнему редко находился в штабе, а больше пропадал в полках, на полевых аэродромах. Обобщал накопленный в годы войны боевой опыт, организовывал переучивание личного состава на новые типы самолетов. Опубликовал в «Красной звезде» статью о формах учебы летчиков-штурмовиков в мирные дни...

Василия Георгиевича Рязанова все-таки вызвали в штаб ВВС и предложили более высокую должность. Забот стало вдвое больше. Выручал военный опыт. К тому же приходилось выполнять нелегкие обязанности депутата Верховного Совета УССР. Вскоре коммунисты избрали Рязанова кандидатом в члены ЦК КП Украины.

Но здоровье Василия Георгиевича ухудшалось: война давала о себе знать. 8 июля 1951 года генерала Рязанова не стало.

Много лет спустя И. С. Конев, вспоминая о тех, с кем ему довелось воевать в Великую Отечественную, писал: «Летчики корпуса Рязанова были лучшими штурмовиками, каких я только знал за весь период войны. Сам Рязанов являлся командиром высокой культуры, высокой организованности, добросовестнейшего отношения к выполнению своего воинского долга. Он умер после войны еще сравнительно молодым человеком, и я тяжело переживал эту утрату...»

notes

Примечания

1

ПАРМ — передвижная авиаремонтная мастерская.

2

В 1943 г. И. Г. Драченко был сбит. Фашисты вырезали ему один глаз. Он бежал из плена. Из госпиталя вернулся с глазным протезом, о котором никто в полку не знал.

3

Радиопереговоры между пилотами и командиром корпуса подслушивались немцами. Чтобы сбить их с толку, Рязанов изменял фамилии летчиков: Максимов — Малинов, Шевчук — Шевченко и т. п.